

1906 г.

№ 1.

Цѣна 10 коп.
въ провинціи 12 к.

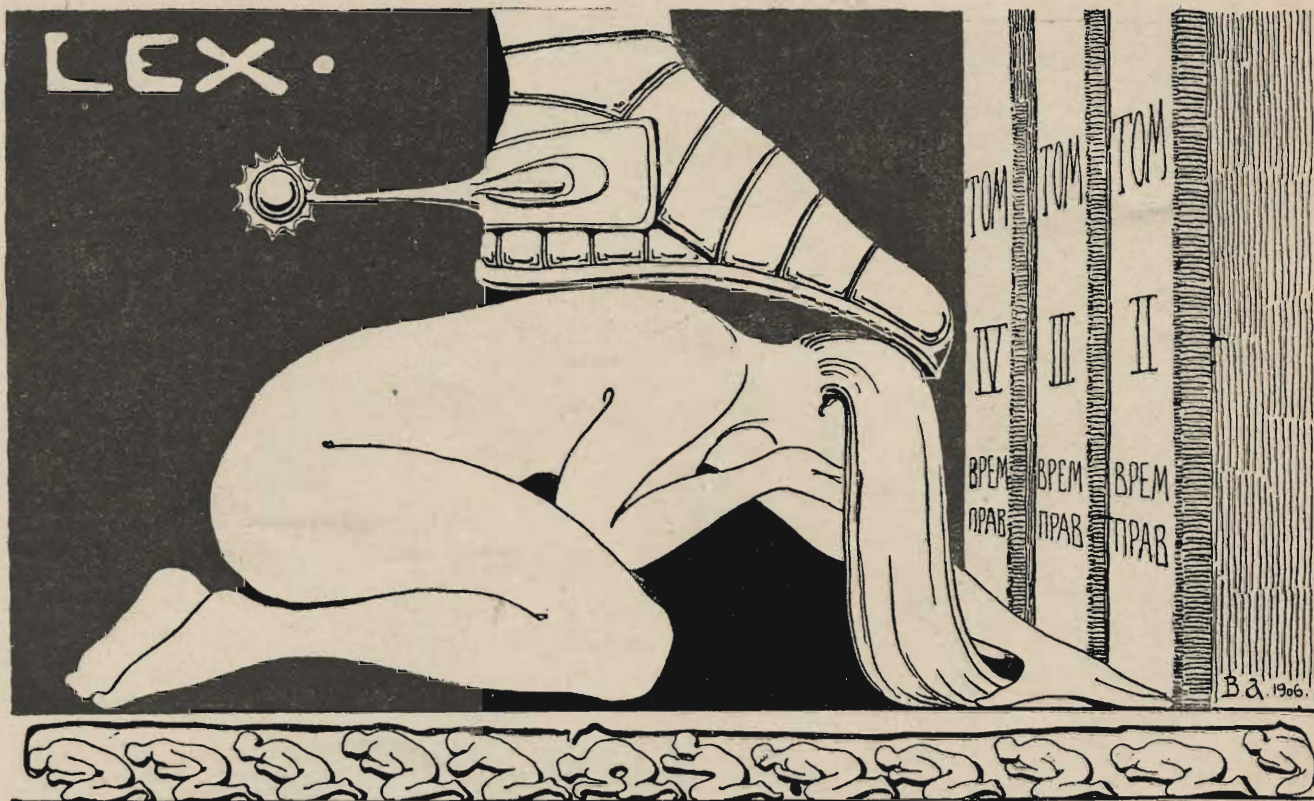
D1262

R9

Rare book

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ

Крестьянская думка.

Весна, весна!.. Идетъ весна!..
 Встаетъ природа ото сна...
 Листвой одѣлся темный боръ,
 Въ кустахъ же, около полей,
 Пытливый прячется дозоръ,
 Слѣдя за кучками крестьянъ...
 Насъ было двадцать молодцовъ;
 Мы всѣ пришли подъ сѣнь лѣсовъ,
 Чтобъ подъ вѣтвей весенній шумъ
 Другъ другу тайно передать
 Плоды тяжелыхъ зимнихъ думъ
 О томъ, какъ надо начинать...
 И первый выступилъ Сергѣй
 Въ фуфайкѣ вязанной своей...
 Онъ долго, долго говорилъ,
 Что нужно дѣлать нынче намъ;
 Онъ въ насъ сознаніе будилъ
 И ненависть къ лихимъ врагамъ...

А солнце свѣтлое вдали
 Уже купалось въ пыли
 Дороги шумной, столбовой...
 И съ пѣсней громкаго труда
 Мы дружно двинулись домой
 Жрецы народного суда...
 Мы смѣло шли, но въ этотъ мигъ
 Раздался чей-то страшный крикъ...

На кладбищѣ лежитъ Сергѣй
 Подъ тяжкимъ пологомъ земли,
 А вмѣстѣ съ нимъ Ильинъ Матѣей
 И Петръ Серьяжниковъ легли...
 Въ Сибирь угнали остальныхъ
 Веселыхъ, честныхъ, молодыхъ...

Одинокій.

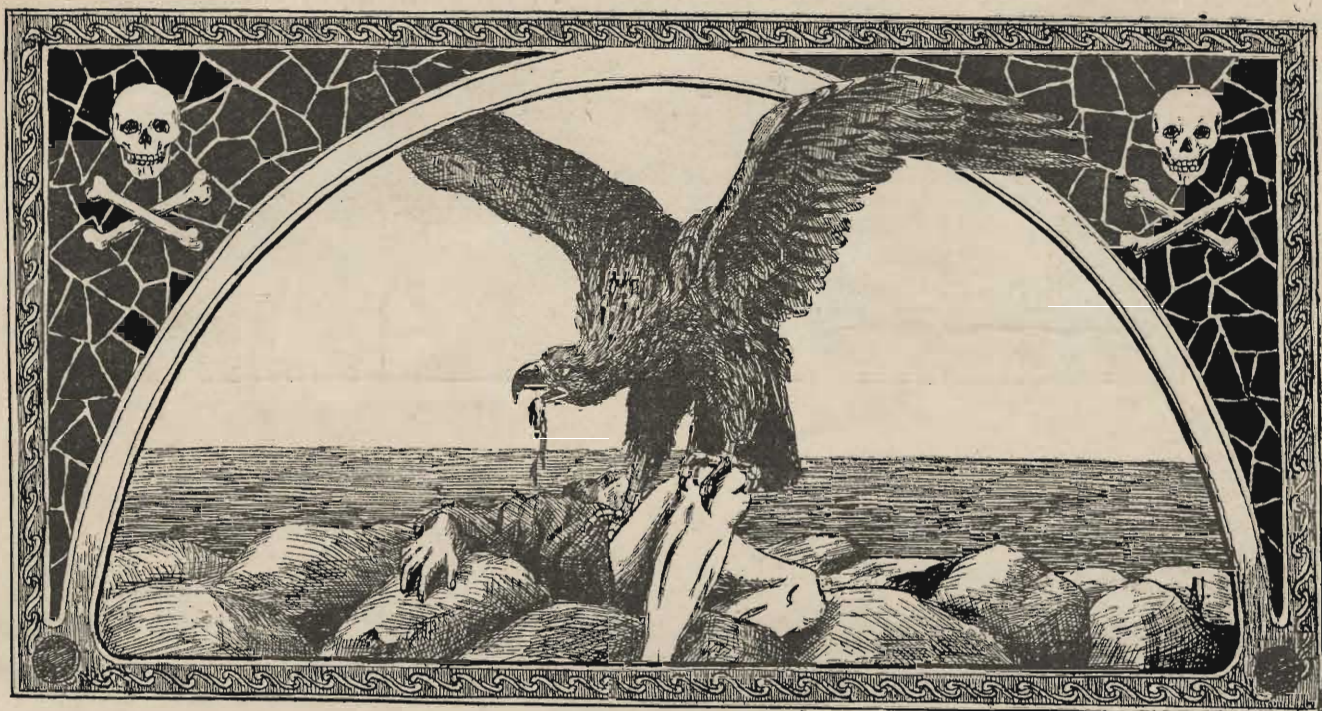
Восточное.

Гроза правовѣрныхъ, Свѣтило Востока,
 Почтенный и мудрый Али,
 Рукою тяжелой суроваго рока
 На постъ уготованъ Вали.
 На колъ, не спѣша, онъ садилъ правовѣрныхъ
 И въ зубы „по русски“ давалъ,
 Но нѣтъ — не цѣнили трудовъ непомѣрныхъ:
 Ахметъ и Гуссеинъ ропталъ:
 — „Вы дерзкіе черви, рабы Падишаха!..

Кричитъ возмущенный Али:
 — „Вѣдь я васъ караю во имя аллаха
 Во славу турецкой земли!“
 — Жемчужина міра, надежда Востока —
 Ахметъ преклоняясь сказалъ
 — „Мы такъ благодарны, и молимъ Пророка
 Чтобъ онъ тебя... на небо взялъ!“ —

(ICU)

Veta.

* * *

Вправо, влѣво, вверхъ и внизъ,
Выше, ниже, уже, шире
Жизнь ключемъ бьетъ въ нашемъ мірѣ,
Исполняя свой капризъ.

Вправо, влѣво, вверхъ и внизъ,
Выгнувъ спины, съживъ шеи,
Скачутъ люди, какъ жокеи...
Кто захватитъ первый призъ?

Гдѣ земля? Гдѣ небосводъ?
Не видать ни зги во мракѣ.
Въ міровой стихійной дракѣ
Геній такъ-же слѣпъ какъ кротъ

Въ мірѣ съ гнуснымъ царствомъ тьмы
Небу нѣтъ соединенья...
Лишь обманъ людского зрѣнья
Горизонтъ, что видимъ мы.

Вправо, влѣво, вверхъ и внизъ,
Выше, ниже, уже, шире
Жизнь ключемъ бьетъ въ нашемъ мірѣ
Исполняя свой капризъ.

„Они“ пришли!

Была нѣмая и слѣпая ночь... Типографъ по-минутно поглядывалъ на входную дверь... Машина изступленно пѣла: «А-а-а-хъ! и-а-а-хъ, ахъ!» Напечатанные листы съ холоднымъ, зло-раднымъ шелестомъ ложились на столъ.

Редакторъ-издатель, типичный редакторъ пе-ріода свободы, болѣзненно морщился и расте-рянными глазами еще и еще разъ осматривалъ угрюмое помѣщеніе типографіи. Редакторскій взглядъ забѣгалъ и подъ машину, шнырялъ по темнымъ угламъ, страдальчески-любовно остано-вливался на молчаливыхъ стопахъ «дѣтища», съ аолѣзненнымъ испугомъ впивался въ тускло-те-мнѣвшія, загадочныя окна и вездѣ ему мерещи-лось бравая усатая фizioномія и услужливое во-ображеніе подносило къ ушамъ классическое:
«Запечатать!»..

Была ночь... гдѣ-то мяукала голодная кошка..

Машина болѣзненно стонала: «Ахъ!.. и-ахъ, ахъ!»..

Взволнованно дрогнулъ звонокъ...

Редакторъ схватился за голову и въ безпа-мятствѣ вырвалъ солидную прядь волосъ...

Типографъ побѣлѣлъ, какъ листъ самой луч-шей бумаги. Машина ахнула еще разъ и, блест-нувъ искрой тормазы, покорно остановилась.

Ночная мгла наполнилась ожиданіемъ... Кошка мяукала...

Они вошли... ихъ фигуры. Они смѣрили его стальнымъ взглядомъ и молча „занялись“... На-ивный издатель подошелъ къ чину: „Но, по-звольте... вѣдь, это задерживаетъ мое изданіе!“

Чинъ отступилъ въ изумленіи; потомъ посмо-трѣлъ въ издательскіе глаза, опасливо потро-галъ рукой издательскій лобъ и произнесъ:

— „Развѣ вы не русскій“?..

Спи спокойно, если не ждешь обыска, читатель!

Veta.

Отвѣтъ Думы на Министерскую Декларацию.

— Неправда-ли, вѣдь вы совсѣмъ не
ожидали,
Что мы умѣемъ тоже говорить,
Что тѣ, которыхъ вы считаете рабами,
Свои права на жизнь посмѣли заявить.
Не ожидали вы, что наша мошь
проснется
Могуча и сильна, и, обличая васъ.
Въ стихійную толпу народа соберется
И встанетъ на ноги рабочій русскій
классъ.
Вы думали, что мы, молчавшіе вѣками
И спины гнувшіе въ работѣ трудовой,
Что будемъ мы страдать за четырьмя
стѣнами,
Борясь по прежнему съ безвыходной
нуждой.
Вы думали, что мы, томясь въ своихъ
подвалахъ,

Какъ черви мелкіе, какъ атомы земли,
Мы побоимся васъ, живущихъ въ пыш-
ныхъ залахъ
И заглушимъ въ себѣ стремленія души;
Что будемъ мы смотрѣть спокойно,
хладнокровно,
Безъ возмущенія, какъ на глазахъ у насъ
Мрутъ наши дѣти смертію голодной,
Что послѣ этого не проклянемъ мы васъ?
Тогда въ сердцахъ у насъ явилась
жажда мести,
Поднялся на ноги рабочій русскій классъ,
Намъ ненавистно зло, и мы, не зная
лести,
Мы обличаемъ ложь, мы побѣждаемъ
васъ!

Вѣра Заикина.

ПЕРВЫЙ УДАРЪ.

(Продолженіе будетъ).

Взвня память борцу за свободу П. П. Шмиту.

Мощныя волны, съ бурей споря,
Пѣной покрыли Черное море;
Дальнее небо окутано тьмою...
Старый рыбакъ коротаетъ со мною
Долгую ночь....

Разсказъ Рыбака.

— „Много сложилось въ народѣ
преданій
Около хмурыхъ камней Березани:
Больше, чѣмъ звѣздъ полуноч-
наго неба,
Больше, чѣмъ зеренъ насущнаго
хлѣба...

— „Слушай!.. За далью нѣмой
и глубокой,
Тамъ, гдѣ бушуетъ у берега валъ,
Есть островокъ, небольшой, оди-
нокій,
Густо покрытый обломками
скалъ...

— „Слушай!.. Однажды за часъ
до восхода
Здѣсь былъ разстрѣлянъ съ
друзьями герой,
Вождь вдохновенный родного
народа,
Геній великій отчизны родной!..

Изъ Современныхъ Мыслей.

Евг. Щепкинъ. Дума № 11.

1) Мы пожинаемъ плоды всего дви-
женія во дворцѣ Князя Потемкина
Таврическаго, но переломъ въ борьбѣ
въ пользу новаго строя наступилъ
еще на броненосцѣ того же имени.

2) Для культурнаго государства воен-
ное положеніе всегда есть шагъ на-
задъ.

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ № 1.

— Палъ онъ, раздавленный темною
силою;

Сорванный съ нивы народной цвѣтокъ...
Море стонало надъ свѣжей могилой,
Жадно лобзая кровавый песокъ...

— „Люди свершивши позорное дѣло,
Съ думой тяжелой уѣхали прочь...
Саваномъ мрака окутала тѣло
Тихая ночь...

Море ревѣло; сердитыя волны
Бились о судно, угрозами полны;
Мчался надъ бездною вѣтеръ могучій,
Къ битвѣ сзывая тяжелыя тучи...
Море стонало!.. А когти тумана
Жадно впивались въ усталыя груди...
Вотъ прозвучали слова капитана;

— „Путь освѣтите!..“

И вздрогнули люди:

— „Тамъ, на холодной, песчаной отмели
Высилась гордая тѣнь адмирала:
Черныя очи зловѣще горѣли,
Плащъ развѣвался и шпага сверкала!..
Руки скрестивши, стоялъ онъ угрюмо,
Молча взиралъ онъ на битву стихій;
Брови сводила тяжелая дума,

Дума о будущемъ бѣдной Россіи...

Люди вернулись... Могила разрыли...

Бросили въ море кровавое тѣло...

Сѣли на судно и тихо уплыли...

Море — ревѣло!“ — В. Князевъ.

3) Введеніе военнаго положенія
всегда есть атавизмъ, признакъ выро-
жденія или болѣзни

4) Военное положеніе прежде всего —
Боа, констрикторъ—удавъ, который
долженъ задушить зачаткиновой
жизни въ странѣ.

5) При военномъ положеніи амни-
стія превратится въ танецъ среди
мечей, а пять свободъ — въ пляску
мертвыхъ.

Хочу быть смѣлымъ.

Почти по Бальмонту

(Изъ программной рѣчи конституціоннаго администратора).

Хочу быть наглымъ, хочу быть дерзкимъ,
На конституцію хочу плевать,
Хочу упиться кровавымъ дѣломъ
Хочу изъ пушекъ всѣхъ разстрѣлять.

Хочу я зноя сплошныхъ пожаровъ,
Изъ пулеметовъ хочу палить
Избить хочу я сплошь всѣхъ прохожихъ,
Хочу злодѣйствомъ міръ удивить.
Не будетъ кары. Вполнѣ безстрашенъ
Всю Русь спокойно предамъ мечу,
Я буду смѣлымъ, я буду дерзкимъ,
Я звѣремъ буду. *Такъ и хочу!..*

Не—Буква.

Вечеръ въ тюрьмѣ.

Эскизъ.

(Посвящается В. А. Б.).

Заходящее солнце бросаетъ послѣдніе, косые лучи сквозь рѣшетку окна одиночной камеры и отражается въ причудливыхъ фигуркахъ то на крѣпкой, окованной желѣзомъ двери, то на бѣлой стѣнѣ надъ койкой.

По корридору слышно движеніе, звонъ посуды, хлопанье дверныхъ форточекъ и возгласы: „ужинъ! ужинъ!“

Хлопанье все слышишь и слышишь. Наконецъ и моя форточка открывается и въ ней, какъ въ своеобразной рамкѣ, появляется черная голова нашего корридорнаго—служителя армянина Симона.

— Ужинать будешь?

— Нѣтъ, не хочу.

Форточка захлопывается и черезъ нѣсколько минутъ на корридорѣ все затихаетъ. Тюрьма на мгновенье замираетъ. Но вотъ на кругу, отъ котораго расходятся четыре корридора (наша тюрьма крестовая), раздаются сильный и долгій звонъ колокольчика. Это уголовныхъ пѣвчихъ собираютъ на кругъ на молитву.

Я лежу на койкѣ, погруженный въ свои невеселыя думы и не то дремлю, не то мечтаю.

Съ круга слышится пѣніе. Мощно и красиво, хотя и не всегда стройно, звучатъ голоса. Вотъ басы гудятъ: „спаси, Господи, люди твоя!“, а вотъ теноръ выдѣлываетъ: „и благослови достояніе твое—я!“

Я лежу съ плотно закрытыми глазами и не двигаюсь.

Меня охватываетъ, окутывается, какъ туманомъ, какая-то лѣнь, апатія... На душѣ тихо, тихо и сумрачно... Передъ глазами какъ на яву, проходятъ картины того, что я теперь дѣлалъ бы на волѣ.

Мнѣ представляется, что я лежу сейчасъ на берегу моря и подъ легкій всплескъ и шумъ прибоя люблюсь

на глубокое, безбрежное, синее, южное небо. Мнѣ кажется, что я слышу музыку волнъ, что ощущаю вокругъ себя прибрежный песокъ, вижу еще молодую, зеленую траву и деревья, только что одѣвшіеся въ свой новый, весенній уборъ. Въ ушахъ звучитъ негромкая, но нѣжная, нѣжная и полная какой-то особенной, топкой, едва уловимой грусти, мелодія, въ которой переливаются, играютъ лучи заходящаго солнца, зеленовато-сѣрая окраска волнъ и кусочки яснаго синяго неба, раскинушагося надо мной.

Въ отвѣтъ на эту мелодію въ душѣ встаютъ забытые образы и картины далекаго, давно минувшаго, прошлаго. Одна за другой картины проходятъ передо мною. Проходятъ сильно, ярко, какъ будто я вновь переживаю ихъ.

Вотъ я, еще юноша, плыву на баркѣ по великой сѣверной рѣкѣ... Ясный, весенній, ликующій день... Солнце своими горячими лучами заливаютъ громадную водную равнину и ослѣпительно блестятъ, сверкаютъ на ея голубой поверхности. то вдругъ подъ ударомъ барочнаго весла разсыпается цѣлымъ каскадомъ искръ, сверкающихъ всѣми цвѣтами радуги... И подъ этими лучами, то горячими, глубокими и спокойными, то шаловливыми, оживаетъ, молодеетъ и радуется вся природа... Даже гиганты—прибрежные утесы обыкновенно такіе мрачные и величественные, подавляющіе собой все окружающее, и тѣ сегодня, подъ жгучей лаской лучей, потеряли свою обычную суровость и весело, весело чему-то улыбаются... А солнце ласкаетъ, заливаютъ золотистымъ свѣтомъ все и всѣхъ...

Я лежу на верхней палубѣ барки и весь проникнутый его знойными, страстными лучами, какъ ребенокъ ликую вибствъ съ нимъ, радуясь и этому ясному весеннему дню, и безоблачному голубому небу и тому, что жизнь такъ хороша...

Сквозь голубоватую дымку жонхъ грезъ я слышу, какъ по корридору раздаются чьи то быстрые, твердые шаги,

ДАЛИ.

— Ну-ка скажи, мужичекъ,
Какъ же съ землей порѣшили,
Дали ли вамъ хоть клочекъ,
Долго ее вы просили.
— Какъ же не дать, господинъ,
Дали землицы народу,
Дали: изъ насъ не одинъ
Знаетъ про эту свободу,

Мнѣ вотъ не дали, да я
Радъ, мнѣ ее и не надо:
Что въ ней, сырая земля
Тоже плохая отрада...
— Иль не рождаетъ она,
Прибыль собрать не придется?
— Эта земляца темна,
Въ людяхъ погостомъ зовется!

Ф. Барновъ.

щелкаетъ глазокъ *) въ дверяхъ сосѣднихъ камеръ, а затѣмъ и моей, и какой-то голосъ произноситъ: „семьдесятъ семь, семьдесятъ восемь, семьдесятъ девять“. Я смутно сознаю, понимаю, что это новый дежурный надзиратель принимаетъ дежурство и дѣлаетъ повѣрку заключенныхъ. Но это сознаніе только мелькаетъ въ моемъ мозгу, какъ что-то случайное, некасающееся меня, и быстро исчезаетъ, уступая мѣсто грезамъ, переносящимъ меня снова въ другой міръ, міръ такой далекой и такой чуждой окружающей меня дѣйствительности.

Передо мною развергивается новая картина... Это—картина очень недавняго прошлаго... Мы на берегу Чернаго моря... Насъ нѣсколько человѣкъ... Чудная апрѣльская ночь, какая можетъ быть только на югѣ; ночь полная нѣги, тишины и настроенія... Далеко въ небѣ мерцаютъ рѣдкіе, едва замѣтные, огоньки звѣздъ... Тополи, чуть-чуть покачивая своими зелеными листьями, что-то таинственно нашептываютъ другъ другу... Море, какъ-бы участвуя въ ихъ разговорѣ, изрѣдка вставляетъ свои отрывистыя, неясныя замѣчанія... Все кругомъ полно чѣмъ-то неяснымъ, неопредѣленнымъ, но безконечно красивымъ и нѣжнымъ... Это красивое и нѣжное такъ понятно, такъ близко сейчасъ нашей душѣ, такъ много говорить ей, что мы боимся нарушить звукомъ человѣческой рѣчи обаяніе этой дивной ночи и сидимъ, почти, молча... Только изрѣдка перебросимся нѣсколькими тихими словами и опять молчимъ... Каждому изъ насъ безъ словъ понятно, что сейчасъ чувствуетъ другой... Мы сидимъ, уже, нѣсколько часовъ... Но вотъ звѣзды постепенно начинаютъ блѣднѣть, уходить куда-то далеко и, наконецъ, гаснутъ одна за другой... Все яснѣе и яснѣе становятся очертанія тополей... Глубокой темносиній фонъ неба незамѣтно окрашивается какими-то но-

выми, пока еще, смутными, трепещущими тонами... Но, вотъ, мало по малу, эти тона усиливаются, дѣлаются опредѣленнѣе, ярче и заполняютъ собою небо, прогоняя съ него послѣднія, запоздавшія звѣзды... Это день вступаетъ въ свои права... Легкій, предразсвѣтный туманъ окутываетъ насъ своею пеленою, но не надолго... Вотъ онъ уже разсѣивается и сквозь его разорванные облачка на горизонтѣ, надъ серебристой гладью моря, показывается ярко-красная, кровавая полоса... Полоса эта все растетъ, растетъ... Еще нѣсколько минутъ и вдругъ надъ линіей горизонта горячимъ снопомъ лучей встаетъ радостное, улыбающееся, весеннее солнце... Волшебнымъ вѣромъ падаютъ эти лучи на поверхность моря, ослѣпительно сверкаютъ въ глаза, какъ-бы привѣтствуя насъ заставляють жмуриться и бодро отвѣчать на ихъ ласковый привѣтъ такой-же хорошей, свѣтлой, полной безотчетной радости, весенней улыбкой...

Но что это?... Я чувствую, какъ яркій, горячій свѣтъ солнечныхъ лучей внезапно смѣняется какимъ-то другимъ, ровнымъ, холодящимъ душу, мертвенно-блѣднымъ свѣтомъ... Что-же это?... Я вскакиваю съ мѣста, открываю глаза и, охваченный холоднымъ ужасомъ, съ замирающимъ сердцемъ, вижу на стѣнѣ, надъ койкой, колеблющуюся, залитую луннымъ свѣтомъ рѣшетку тюремнаго окна...

Долго я не могу сообразить въ чемъ дѣло... Но наконецъ, прихожу въ себя... Это—глухая тюремная луна, какъ мѣтко называютъ уголовные коллеги поставленный передъ моимъ окномъ фонарь, заглянула въ мою камеру, нарушила мои грезы и возвратила меня вновь изъ міра мечты въ міръ неприглядной дѣйствительности... Я опять въ тюрьмѣ... Опять подъ окномъ медленно ходитъ часовая, съ ружьемъ на плечѣ... Опять кругомъ эти проклятыя, толстыя, бездушныя стѣны... Опять предо мной крѣпкая, окованная желѣзомъ дверь!..

А какъ хорошо было тамъ!..

Владиміръ Ямпольскій.

*) Глазокъ—небольшое отверстіе въ двери каждой тюремной камеры. Оно служитъ для того, чтобы надзиратель всегда могъ незамѣтно наблюдать за заключеннымъ.

„Крамольная Печать“.

ДОВОЛЬНО!

Довольно, не надо намъ смертную казнь,
Долой ее съ нашей земли:
Устала Россія терпѣть произволъ,
Омытая въ русской крови.

* * *

Довольно, мы долго молчали, друзья,
Неправымъ властямъ подчиняясь,
Теперь же любовію къ ближнимъ горя,
Мы дружною ратью собрались.

* * *

Довольно, не надо намъ мрачныхъ темницъ,
Мы дѣли насилья порвемъ,

И знамя свободы поднимать высоко,
Мы гимнъ обновленья споемъ.

* * *

Насъ много за правое дѣло борцовъ
И наши сильны убѣжденья.
Долой произволъ и нагайку и плеть,
Долой на невинныхъ гоненье!

* * *

Довольно, мы много ужъ отдали жертвъ
Во имя великой идеи,
Мы право свободы купили себѣ,
Впередъ же, впередъ поскорѣе...

Grill.

М. А. Спиридонова.

Здоровье Маріи Спиридоновой, содержащейся въ бутырской тюрьмѣ, въ послѣднее время значительно ухудшилось. Она очень часто впадаетъ въ обморочное состояніе. Тѣмъ не менѣе она содержится не въ тюремной больницѣ, какъ слѣдовало бы ожидать, а въ Пугачевской башнѣ. Матеріальная помощь оказана ей между-партийнымъ комитетомъ по оказанію помощи заключеннымъ и ссыльнымъ.

Марія Спиридонова находится постоянно въ обморокѣ, она очень слаба. (Послѣднее извѣстіе).

А. М. Спиридоновой.

Прекрасная, юная, чудная,
Съ отзывчивой чистой душой,
Среди насъ явилася дѣвушка,
Внося всюду свѣтъ за собой,

Насилье ей, пытки и злобу,
Пришлось надъ людьми увидать.
И чудное сердце. не въ силахъ,
Подобное было прощать.

Съ оружіемъ, кроткая дѣва
Взялася за ближнихъ отмстить.
Она отыскала злодѣя,
Чтобъ пулю въ него засадить!

Свершилось! отмстивъ негодяю,
Ей стало на сердцѣ легко,
И чистымъ блаженствомъ сіяло
Ея, просвѣтившись, чело.

Она, какъ карательный ангелъ,
Какъ рокъ неизбѣжной судьбы,
Попрала насилье и злобу,
Исполнена братской любви.

Но это былъ атомъ ничтожный,
Который раздавленъ былъ ей,
А большія силы неправды
Рѣшили помѣриться съ ней.

И вотъ, эту чистую дѣву
Повергли въ темницу враги.
Подвергли они ее пыткамъ
За подвигъ великой любви...

И не было тѣхъ поруганій,
Которыхъ она-бъ не снесла,
Надъ ней насмѣялись за то, лишь
Что въ жертву себя принесла

Какъ истину дѣву нагую,
Топтали ногами ее,
Окурки на тѣлѣ гасили,
Со злобой плевали въ лицо.

Измучивши душу и тѣло,
Насилье надъ ней совершивъ,
Разбили ей душу и сердце,
Весь разумъ въ себѣ заглушивъ...

Страдалицу эту святую,
На судъ, какъ Христа привели,
И смертную казнь надъ прекрасной,
Неправые судьи рекли.

Въ больницѣ она изнываетъ.
Разбита вся юная грудь,
Гдѣ сердце горячее билось,
Той груди, такъ больно вздохнуть.

Замѣнять, быть можетъ, ей судьи,
Казнь смертную каторгой злой,
Больную, безсильную жалкую,
Ее отдадутъ подъ конвой.

И много по ней слезъ безсильныхъ,
Пролилось по бѣдной землѣ,
И много сердецъ обилилось,
Кровавымъ потокомъ въ душѣ.

Люди Земли.

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ № 1.

Сказка про Халдѣя Качучу, объ элексирахъ, зеленомъ змѣѣ и красной краскѣ.

Въ одной далекой странѣ правилъ народомъ министръ—Халдей Качучу. Хитрый и лукавый былъ Качучу. Никто его не любилъ, никто ему не вѣрилъ, но всѣ его боялись и подобострастно кланялись ему. Дѣлалъ Качучу что хотѣлъ, никакого суда надъ нимъ не было. Богатѣлъ онъ не по днямъ, а по часамъ. Понастроилъ себѣ Качучу массу дворцовъ, отчего казна той страны пустѣла, но онъ выдумывалъ все новые и новые налоги. Народъ бѣднѣлъ. И вотъ поднялся по всей странѣ ропотъ. Масса голодныхъ и недовольныхъ начала выражать свой протестъ. Приближенные къ Качучу лица, министры и другіе сановники изъ Халдѣевъ стали ему объ этомъ докладывать, а онъ и въ усь не дуетъ.—Ничего, что бунтуютъ, мнѣ наплевать, отвѣчалъ Качучу.—«Помилуйте, ваше степенство, вся страна ропчетъ. Недовольствіе растеть, гроза надвигается, подумайте, ваше степенство, съ этимъ шутить нельзя!»

— Пустяки! отвѣчалъ Качучу.—Народъ ропчетъ? Гм! развѣ онъ смѣетъ выражать недовольство. Ну, да, ладно! Этого больше не будетъ. „Я знаю, какъ спасти страну“. Я для него изобрѣлъ одно средство. А средство магическое, отъ котораго всѣ стануть веселы, недовольныхъ не будетъ больше.

— А что это такое, ваше халдейское степенство? вопрошали сановники.

— Это элексиры! Поняли элексиры жизни. По французски, если сказать, то это будетъ l'eau de vie, а, по латыни Aqua Vitae, Качучу былъ образованъ и зналъ языки, и кто его попробуетъ, роптать не будетъ.

— Попробуйте сами, господа,... хорошо?

— Какже-съ, великолѣпно!

— Да вы еще!

— Покорнѣйше благодаримъ. Даже очень ужъ хорошо.

— Ну скажите по совѣсти, какія у васъ теперь мысли въ головѣ?

— Никакихъ-съ! Т. е., такъ оно есть, какъ будто мысли, но не настоящія мысли, въ ногахъ есть мысли, даже плясать хочется.

— Весело, значитъ, ну вотъ видите, и народъ будетъ доволенъ, перестанетъ роптать. „Повторяю, я знаю, какъ спасти страну“. И вотъ вы, господа, понастройте вездѣ заводовъ и фабрикуютъ этотъ, полезнѣйшій, для народа напитокъ. И да будетъ съ этого дня народъ веселъ и пусть пляшетъ.

И вотъ полетѣли гонцы во всѣ города, волости и села, понастроили заводовъ и стали вездѣ торговать этимъ элексиромъ.

Попробовалъ народъ элексиру, понравилось, дѣйствительно, отъ него точно веселѣе. Хватишь нѣсколько глотковъ и животъ меньше отъ голоду подводить, хватишь еще, всѣ скверныя мысли изъ головы вылетаютъ. И на душѣ легче. Слава объ элексирахъ прошла по всей странѣ, а тутъ еще гонцы на каждомъ шагу пооткрывали лавочки и съ удовольствіемъ отпускаютъ всѣмъ товару.

— Посмотрите-ка, какъ народъ веселится! говоритъ Качучу.

И дѣйствительно, веселіе нашло на страну. Отъ этого элексиру мысли у людей дѣлались веселѣе, голова, несмотря на это, становилась тяжелѣе, а ноги къ удивленію—легче. Такіе ужъ легкіе, что сами подымались и начинали плясать.

— Ну вотъ я говорилъ, что всѣмъ весело будетъ,—похвалялся Качучу,—ишь какъ пляшетъ, хорошую дудку я имъ выдумалъ, а намъ и казнѣ доходъ.

И вотъ пошла плясать вся страна. Всѣ плясали. Министры на спинахъ народа, а народъ подъ дудку Качучу плясалъ.

Оно, можетъ быть, такъ хорошо и все время продолжалось бы, да...

Ну вотъ отъ пляски и одурѣлъ наэлексированный народъ. Ему вездѣ сталъ казаться *зеленый змій*.

Думали, думали, отчего-бы это? А тутъ молва пошла, что Качучу знаетъ съ чертомъ. Когда Качучу выдумывалъ свой элексиръ, то призвалъ черта на помощь и вступилъ съ нимъ въ союзъ. Чертъ явился къ нему въ видѣ зеленого змія, выслушалъ его и сказалъ: я помогу тебѣ дурачить народъ. Но чертъ тоже, въ родѣ Качучу, былъ честолюбивый и говоритъ, хочу, чтобы и меня народъ вспоминалъ. Про тебя слава и такъ идетъ, да и элексиръ то твой пользуется извѣстностью, наши друзья французы называютъ его l'eau de vie, ученые по латыни зовутъ Aqua Vittae, а меня никто не знаетъ.

— Такъ вотъ дружокъ,—говоритъ Качучу, я объ этомъ уже подумалъ и велѣлъ въ твою честь вывѣски на лавкахъ выкрасить въ зеленый цвѣтъ и на каждой бутылкѣ зеленые билетики наклеить, чтобы помнили тебя.

— Это мнѣ мало, отвѣчалъ зеленый змій, и взялъ, поплевалъ въ элексиръ. И вотъ съ тѣхъ поръ, кто много пьетъ этого самаго элексиру, то поминаетъ сначала Халдея Качучу, а потомъ видитъ на яву зеленого змія и съ тѣхъ поръ имя Качучу съ именемъ черта стало нераздѣльно.

Много ли, мало ли протекло времени, но народъ отъ всего этого сталъ уставать и раздумье его брало, чтожъ это такое, молъ, пляши вѣкъ, подъ чужую дудку, у черта какого то въ кабалѣ находишься и ихъ поганья рожи лицезрѣй всюду. Обидно стало народу.

...И красная краска стыда выступила на его лицѣ.

— Да, говорили умные люди, краснѣйте, краснѣйте, братья, будетъ вамъ выплясывать подъ чужія мелодіи разные кекъ-у-оки. Сбросьте съ себя чертей, дорого вамъ они обошлись. Не нужно намъ Халдѣевъ, кликнемъ кличъ, выберемъ достойныхъ и сдѣлаемъ ихъ управляющими. И такъ какъ краска появилась на вашемъ лицѣ въ моментъ, когда вы надумали выйти изъ кабалы халдейской, то пусть отселѣ красный цвѣтъ будетъ у васъ знаменемъ свободы, берите свои дудки и пусть они теперь пляшутъ подъ вашъ мотивъ «Впередъ».

Народъ взялъ въ руки красное знамя и пошелъ...

Бессарабецъ.

Пять дѣвственныхъ свободъ, подъ осни
дыханье,
Рожденные у насъ въ Октябрскій свѣтлый
день
Пять дѣвственныхъ свободъ въ оковахъ на
закланья
Ведутъ насильники подъ крѣпостную сѣнь.
Ихъ властно обнажилъ палачъ страны крова-
вый
И ризы подѣлилъ въ кругу своихъ друзей,
И судъ ихъ осудилъ, продажный и лукавый,
Въ теченьи траурныхъ отчизны дней.
Но пыткой не сломить духовныя имъ крылья
Ихъ не удержитъ крѣпости массивный сводъ,
Настанетъ скоро день!.. Исчезнетъ мракъ
насилия
И цѣпи разорвутъ пять дѣвственныхъ сво-
бодъ.

В. К.

Урокъ изъ Астрономіи.

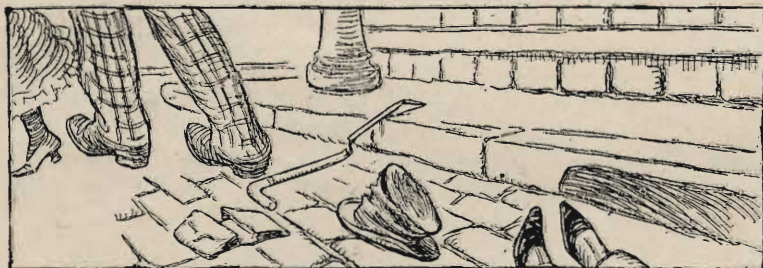
- Что такое „Звѣздная Палата“
- Это „туманныя пятна“ на небосклонѣ!
- Нѣтъ, это „падающія, потухшія звѣзды“

яноТ.

Городовой стоит на стражѣ,
Держась за ятаганъ,
И всласть любитъ на кражи
И дерзость хулиганъ.
Городовой стоит на стражѣ,
И славить, какъ баянъ,
Разбой, грабительство и кражи
И дерзость хулиганъ.

Бѣдный Юринъ.

Изъ Шлиссельбургскихъ мотивовъ.

Я забыться-бъ хотѣлъ, я хотѣлъ бы
успнуть,
Долгимъ сномъ подкрѣпить свои силы,
Иль единымъ ударомъ разбить свою
грудь,
О проклятые своды могилы...
Слышишь?.. Мѣрно шагаетъ вдали
часовой!

Монотонные, гулкiе звуки!..
Припадаю къ подушкѣ больной головой
И ломаю безсильныя руки!..
Высоко надо мною чернѣтъ окно,
Но рѣшеткою крѣпкой забито оно...
Чу, темнѣтъ. Сгущается мракъ по
угламъ

Возвѣщая о часѣ заката..
А покоя все нѣтъ воспаленнымъ очамъ
Въ этой тягостной тѣмѣ каземата...
И могилою дышетъ отъ холода тѣмы
И мой стонъ замираетъ подъ сводомъ
тюрьмы...
В. К.

Хозяинъ и оселъ.

(По поводу недовѣрія Думы).

Про вредъ упрямства всякій знаетъ
И басня намъ сія о томъ вѣщаетъ,
Какъ глупое упрямство побѣдитъ
И съ пользою для всѣхъ его употребитъ.

На ярмарку хозяинъ велъ осла,
Оселъ упрямо упирался,
И какъ ни били въ два кнута,
Онъ все-жъ впередъ никакъ не
подвигался.

Тогда хозяинъ умудрился
За хвостъ осла того схватить
И сталъ изъ всѣхъ онъ силъ назадъ
осла тащить,

Оселъ тотчасъ же разогнался,
Впередъ во весь опоръ помчался
И вмигъ одинъ на ярмарку
пришелъ.

Нельзя ли подписей побольше намъ
собрать
И Горемыкину съ Столыпинымъ петицію
подать,
Чтобы они у власти оставались
И за границу уѣзжать навѣкъ отнюдь
не собирались.
Не—Буква.

Вдали тебя я обездоленъ,
Свободы яркая заря,
Взойди въ величii побѣдномъ,
Златыми искрами горя.
Взойди надъ страждущимъ наро-
домъ,
Взойди надъ бѣдною страной
И двери крѣпкія темницы
Чудесной силою открой.

Нѣтъ ничею на свѣтѣ краше
Свободы, равенства, любви,
Вотъ почему свободы свѣтлой
Нетерпѣливо жаждемъ мы.
Вдали тебя я обездоленъ,
Свободы яркая заря,
Взойди въ величii побѣдномъ,
Златыми искрами горя.

Вѣра Зайкина.

Бюллетени Русской Жизни.

Запросъ о дѣйствіяхъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

19 мая за подписью 40 депутатовъ внесенъ слѣдующій запросъ по поводу незаконныхъ дѣйствій военныхъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ запросѣ перечислены имена 100 лицъ, съ точнымъ указаніемъ мѣста и времени, когда эти лица были разстрѣляны безъ суда и слѣдствія, иногда еще подвергшись предварительнымъ истязаніямъ.

Истязанію и сѣченію съ нанесеніемъ до 400 ударовъ подвергся цѣлый рядъ лицъ, среди которыхъ имѣются женщины, старики и учащіеся, въ губерніяхъ ливонской, курляндской и витебской.

Крестьянское имущество и усадьбы, также и общественныя зданія — домъ общества трезвости „Сѣвер, ное сіяніе“ близъ Риги, стоимостью до 80.000 рублей и домъ общества трезвости въ приходѣ Кошъ — были сожжены. Въ волостяхъ скуенскаго прихода и въ другихъ волостяхъ Рижскаго и Велижскаго уѣздовъ и въ друг. губерніяхъ былъ цѣлый рядъ случаевъ насильственнаго отнятія у крестьянъ скота и корма, отнятія товара у сельскихъ торговцевъ и раздачи таковыхъ нижнимъ чинамъ карательныхъ отрядовъ.

Виновики самыхъ вопіющихъ беззаконій, какъ, примѣръ, кровопролитіе 16 окт. 1905 г. въ гор. Ревелѣ, когда залпами безо всякаго повода было убито 63 человека и ранено еще болѣе, досихъ поръ остаются безнаказанными. Приводятся указанія на рядъ арестовъ безъ предъявленія обвиненія.

Заявленіе предлагаетъ запросить мин. вн. дѣлъ, какія мѣры приняты имъ: 1) для прекращенія незаконныхъ дѣйствій; 2) для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности; и 3) для вознагражденія потерпѣвшихъ, если приведенные факты ему извѣстны.

Латышская газета „Fagadne“, по полученнымъ даннымъ, рисуетъ блестящую дѣятельность карательнаго отряда въ краѣ за 2 мѣсяца съ 1-го декабря по 1-ое февраля:

Повѣшено 18 человекъ, разстрѣляно — 621, убито при столкновеніяхъ съ войсками 320 лицъ. Въ томъ числѣ: 2 народныхъ учителя (повѣшены), 11 учителей (застрѣлено), 4 писаря, 2 студента, 1 аптекаръ, 1 книготорговецъ, 29 усадьбовладѣльцевъ; остальные батраки, ремесленники и проч. Тѣлеснымъ наказаніямъ подвергнуто мужчинъ и женщинъ 251 лицъ. Сожжено 97 крестьянскихъ домовъ 4 школы, 2 волостныхъ правленія и 3 общественныхъ зданія. Въ маленькихъ городахъ сожжено 22 дома.

Въ „Рѣчи“ читаемъ:

Казенная цѣна за повѣшеніе въ апрѣлѣ мѣсяцъ стояла на 75 рублѣхъ. Это палачу только „за работу“. А гдѣ подъемныя? суточные? столовыя? „на чаекъ“?.. Для казни Гагіашвили надо было разыскать „мастера“ публикаціями въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, а, отыскавъ, возить въ экстренномъ поѣздѣ и при этомъ лишнихъ два дня кормить осужденнаго казеннымъ пайкомъ. Минскому губернатору Курлову одна, заказанная у театральнаго парикмахера для палача добровольца, борода стояла три съ половиной: это такъ сказать, расходъ, смѣтой непредусмотрѣнный. А нужно-ли говорить о карательныхъ экспедиціяхъ, о сотысячныхъ блиндированныхъ автомобиляхъ, о семи съ половиною милліонахъ, отпущенныхъ генералу Редигеру, и прочихъ расходахъ смѣтой предусмотрѣнныхъ.

Генералу Скалону принадлежитъ честь перваго опыта введенія казни на, такъ называемыхъ, экономическихъ началахъ“.

Страшнымъ кошмаромъ вѣдетъ отъ сухихъ цифръ officialнаго документа „Черноморскаго Вѣстника“:

„Счетъ расходовъ, произведенныхъ при исполненіи казней надъ Хачегуридзе и Сванидзе, разстрѣлянныхъ въ Кутаисѣ, на огаскурскомъ кладбищѣ:

1) Саваны по 2 руб. 50 коп. — 5 руб.; 2) доски, къ которымъ привязывали казенныхъ, по 3 руб. — 6 р.; 3) брандмейстеру и 6 пожарнымъ за могильныя работы — 30 руб.; 4) тюремнымъ надзирателямъ за снятіе съ труповъ казенныхъ кандаловъ — 8 руб. Итого 49 руб.

Чрезвычайно отрадно отмѣтить, что, наконецъ, и въ военной средѣ послышались погодующіе голоса по поводу установившейся за послѣднее время военно-судебной практики. Г. Нечаевъ глубоко возмущается въ „Военномъ Голосѣ“ тѣмъ обстоятельствомъ, что законы военнаго времени у насъ стали чѣмъ-то совершенно обычнымъ, словно они издавались для внутренняго мирнаго обихода.

Смертная казнь для несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, говорить г. Нечаевъ, смертная казнь за нанесеніе легкой раны — перестала казаться странной, разъ г. министру внутреннихъ дѣлъ вздумалось предавать дѣло военному суду. Обыкновеннаго военнаго суда оказывалось мало, создавались сверхъ-военные суды, даже непредусмотрѣнные закономъ, такъ что услужливому закону пришлось догонять слишкомъ быстро прогрессирующую практику. По заключеніи мира губернский городъ центральной Россіи удалось приравнять къ осажденной крѣпости и повѣсить подсудимаго, арестовавъ предварительно его защитника. И все это на основаніи закона, все это провѣрено въ порядкѣ надзора и признано правильнымъ. Нашелся даже законъ, „примѣнительно“ по которому оказалось возможнымъ подвергать людей „немедленному разстрѣлянію“... При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго, что вспомнили о законѣ, лишающемъ судей права смягченія наказанія, что прерогатива помилованія передавалась въ руки генераловъ, уполномоченныхъ не допускать мольбы осужденныхъ до верховной власти; отъ тѣхъ же генераловъ зависѣло дозволить жаловаться на приговоръ или не дозволить, допустить жалобу въ главный военный судъ или упразднить главный военный судъ, создавъ для даннаго дѣла свое собственное кассационное „присутствіе“.

Съ такими чертами явилась наша современная, усовершенствованная военная юстиція, передѣланная по спросу и вкусамъ нашего исключительнаго времени. Все исключительное стало нормальнымъ, а все нормальное — исключительнымъ.

(„XX вѣкъ“, № 38).

Очень интересныя свѣдѣнія о богатствѣ удѣльныхъ и кабинетскихъ земель даетъ „XX Вѣкъ“.

Въ Россіи кабинетской и удѣльной земли свыше 60 милліоновъ десятинъ. Вся же Франція (въ Европѣ) имѣетъ только 53 милліоновъ десятинъ, и на этой земли кормится до 40 милліоновъ душъ обоого пола; вся германская имперія (въ Европѣ) имѣетъ тоже лишь 54 милліона десятинъ; и на этой землѣ кормится до 60 милліоновъ душъ обоого пола; все королевство Великобританское (Англія, Шотландія и Ирландія) имѣетъ 31 милліонъ десятинъ, и на этой землѣ кормится свыше 40 милліоновъ душъ обоого пола; вся Японія имѣетъ земли 38 милліоновъ десятинъ, и на этой землѣ кормится болѣе 40 милліоновъ душъ обоого пола. Добавимъ кстаті, что въ кабинетскія и удѣльныя имѣнія входитъ, между прочимъ, весь Алтайскій округъ съ его прямо такъ сказочными богатствами, какихъ, пожалуй, не найдется ни въ одной изъ странъ, кромѣ Россіи.“

Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности по 1 и 2 пп. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе статьи „Постановленія и резолюціи объединеннаго съѣзда російской социальдемократической рабочей партіи“ редакторовъ газетъ, напечатавшихъ эту статью“.

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ

Журнал политической сатиры, литературы и современной жизни. Выходит еженедѣльно въ 16 стр. по самой широкой программѣ, отражая на своихъ страницахъ событія

Освободительнаго движенія Россіи

въ его настоящемъ и прошломъ. Въ каждомъ номерѣ помѣщается 12—25 рисунковъ и портреты **БОРЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.**

Въ „Застрѣльщикѣ“ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы и художники:

Далай-Норъ (А. В. Вережниковъ), В. А. Верещагина, В. В. Жуковъ (Апулей), В. Князевъ, А. В. Заикинъ, Люди-Земля (псевдонимъ), И. М. Василевскій (Не-Буква), Н. Г. Зубриловъ, А. А. Щегловъ, М. К. Мукаловъ, Вѣра Заикина, Офицеръ (псевдонимъ), В. Юревичъ, В. М. Арнольдъ, Лѣвый (псевдонимъ) Pessimist, Л. Злотниковъ, Л. Л. Вордъ, Вл. Ямпольскій, Grillon, Поль Ассатуровъ, Бессарабенецъ, О. Барковъ, „Пролетарій“ и др.

Цѣна номера въ Спб. 10 коп. Въ провинціи въ отдѣленіяхъ Конторы по 12 коп. номеръ, въ Сибири—15 коп.

Провинціальныя Отдѣленія Журнала будутъ указывать въ ближайшемъ номерѣ.

Литературный и Художественный матеріалъ направляется въ Редакцію. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ измѣненіямъ. Доставленные безъ обозначенія гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Непринятые рукописи обратно не посылаются.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Дегтярный пер., д. 22, кв. 43.

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ.

ИЗДАНИЕ ВОЗОБНОВИТСЯ СЪ АВГУСТА.

Вышедшіе 5 номеровъ 1, 2 и 3 — 1095 года и 1 и 2—1906 г.

Высылаются за 2 рубля Конторой „ЗАСТРѢЛЬЩИКА“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ НАРОДА „КРЕСТЬЯНИНЪ“.

Цѣна 1 руб. на годъ, 50 коп. на полгода, 25 коп. на 3 мѣсяца.

Изданіе общества „Крестьянинъ“: Вильна, Преображенская улица, домъ № 4.

ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ

ВЪ ЖУРНАЛѢ

„ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ“

по 50 коп. строчка непарели, или мѣсто занимаемое ею. Длина строчки $\frac{1}{2}$ страницы.

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ

ДЛЯ СБОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ № 1.

Бюллетени Русской Жизни.

На улицахъ Москвы произошла трогательно-краснорѣчивая встрѣча группы политическxъ высылаемыхъ изъ Москвы и группы только что привезенныхъ. Впередѣ шли политическіе мужчины, за ними слѣдовала карета, въ которой сидѣла дѣвушка въ темномъ платьѣ. Среди встрѣтившихъ прибывшую группу—мгновенно разнеслась вѣсть, что они видятъ въ скромной дѣвушкѣ, сидящей въ каретѣ, извѣстную страдальцу Марію Александровну Спиридонову. Это усилило тѣ привѣтствія, съ которыми группы обращались другъ къ другу. Матросы сначала отдали честь, а потомъ, снявъ шапки, долго ими махали вслѣдъ удалявшимся товарищамъ и такъ много уже страдавшей и еще страдающей дѣвушкѣ. Карета М. А. Спиридоновой была окружена полукругомъ солдатъ, недопускавшихъ къ ней приближаться. (Изв. Кр. Депут.).

Слухъ о томъ, что М. А. привезена въ Москву и заключена въ Бутырскую тюрьму, быстро разошелся по всей Москвѣ. Къ воротамъ тюрьмы сталъ собираться народъ. Тутъ были рабочіе, учащіеся и много интеллигенціи. Образовался импровизированный хоръ, который громко пѣлъ „вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“. Демонстрація стала принимать шумный характеръ, и тюремная администрація вызвала усиленную стражу. Но еще до прибытія стражи, толпа спокойно разошлась.

Изъ воинскихъ подвиговъ.

Военное начальство много говоритъ о чести солдатскаго мундира. Но спрашивается, гдѣ не мундирная, а самая обыкновенная честь, вотъ въ слѣдующей картинкѣ. Въ Балаховѣ (Сарат. губ.) къ служащему въ городской управѣ Авдѣеву во дворъ безъ всякаго повода ворвались солдаты съ ружьями подъ командою офицера и начали рубить окна и двери, а когда Авдѣевъ выскочилъ во дворъ, то избилъ его, его жену и двѣнадцатилѣтнюю дочь, которая на колѣняхъ молила офицера „не трогать папу“, а храбрый воинъ въ это время размахивалъ у нея надъ головою обнаженною шашкою, грозя отрубить голову. (Тамъ же).

Какъ образчикъ. Печатаемъ слѣдующій приказъ начальника 1-й дивизіи, гр. Стенбока.

„Встрѣчая нижнихъ чиновъ вѣрной мнѣ дивизіи, я замѣтилъ, что большинство изъ нихъ отдавало мнѣ должную честь молодежи; однако, у нѣкоторыхъ желательнее было бы достичь большаго совершенства, большей щеголеватости, большей, такъ сказать, чуткости, т. е., чтобы они чаще оглядывались во всѣ стороны, дабы во время,—а не въ послѣднюю минуту,—отдавали честь и не омрачать отсутствіемъ выправки и молодцоватости мирную славу полка.“

Затѣмъ я замѣтилъ одного, имѣвшаго поползновеніе меня обогнать; не хвалю: если посланъ спѣшно, могъ у меня испросить разрѣшенія обогнать.

Прошу обратить особое вниманіе на обученіе нижнихъ чиновъ, какъ слѣдуетъ себя держать и ходить по улицѣ; при этомъ желаю, хотя и увѣренъ, что это исполняется, чтобы въ программу занятій входило особое отдѣленіе обученія, какъ должны ходить нижніе чины полковъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Обращаю вниманіе на серьезное значеніе увольненія со двора, гдѣ выносятся на улицу духъ части ея, внутренний бытъ и духовный міръ. Увольненіе со двора есть признакъ довѣрія,—ему долженъ предшествовать какъ бы экзаменъ молодцоватости и порядочности; лучшее средство къ достиженію этихъ качествъ, развить самолюбіе: самолюбивый солдатъ и храбръ и лихъ и щеголь; самолюбивый солдатъ не только выпивши, но и неряшливо одѣтый, постыдится выйти на улицу. Нижній чинъ долженъ ходить съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ имѣющій счастье состоять на царской службѣ, какъ носитель доблестнаго мундира, который запятнать и замарать грѣшно,—шашка—на бекрень, молодцомъ, красавцемъ, щеголемъ, женихомъ, картинкой, дабы встрѣчные военные любовались, а обыватели провинкались почтеніемъ и уваженіемъ.

Подписалъ: начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ, графъ Стенбокъ.

Ни одного слова не добавляемъ къ писанію Стенбока, чтобы не испортить его „высокій штиль“. Хорошо пишетъ сіятельный Стенбокъ, „даже очинно превосходно!“ (Невская Газета № 5).

Бюллетени Русской Жизни.

Из Симбирска сообщают „Путь“: „Безобразія, учиняемые чинами полиціи, подъ предводительствомъ полиціимейстера Пифіева и приставовъ Соловьева и Некрасова, не поддаются описанію“. Какъ передаетъ корреспондентъ, во время безпорядковъ были безпощадно, не разбирая—кого и за что. Въ больницахъ раненные представляютъ собою безформенныя массы мяса и крови. Особенно жестокому истязанію подверглась г-жа Н. Катаки: наскочивъ на нее, сшибли ее съ ногъ, били нагайками, топтали лошадьми, а потомъ отдали ее на расправу черной сотнѣ, набранной, какъ оказалось, членами союза 17 октября и партіи правового порядка. Черносотенцы волочили несчастную за косу по улицѣ. Не приходя въ сознание г-жа К. скончалась. Черная сотня была размѣщена по городу по указаніямъ полиціи. Сами черносотенцы говорили, что имъ приказано бить всѣхъ, кто „въ синихъ и красныхъ рубахахъ, шляпахъ и студентовъ“. Раненныхъ въ больницахъ составляютъ чиновники, семинаристы, рабочіе. Погромъ продолжался до 6 часовъ вечера. Раненныхъ и изувѣченныхъ громадное число—перечислить нѣтъ возможности. Губернаторъ бездѣйствовалъ, хотя во время погрома къ нему и обращалось нѣсколько депутацій съ просьбою выѣхать на площадь. Въ заключеніе корреспондентъ снова утверждаетъ, что черная сотня была организована членами союза 17 октября и партіи правового порядка, не могущими никакъ помириться съ своимъ поражениемъ на выборахъ. („Дума“ № 8).

Въ парламентскую трудовую группу поступило отъ члена государственной думы отъ рабочихъ Чурюкова письмо, полученное имъ отъ товарища, описывающаго возмутительный обыскъ у народной учительницы.

„Произволъ и сейчасъ еще при собраніи думы въ полномъ разгарѣ, у насъ въ селѣ Сергѣйникѣ въ подольскомъ уѣздѣ московской губ. какъ разъ 27 числа апрѣля мѣсяца—ты знаешь эту учительницу, эта прекрасная барышня арестована. Нѣтъ силъ написать какъ ее арестовали. Прямо-таки возмутительно. 27-го апрѣля въ 6 ч. утра къ ней явилась полиція во главѣ станового пристава съ 2-мя стражниками. Она была еще въ постели. Имъ отперла прислуга, они вошли и подошли къ открытой постели, разбудили ее и просили встать. Она просила вниманія полиціи и дать ей собраться, такъ какъ она дѣвушка. Ей отвѣтили: „Прошу не разсуждать, а встать и собраться, къ чему тутъ нѣжничать и мы не отойдемъ шагу отъ васъ милая барышня“. Представъ Совѣсть образованной дѣвушки полунагой и съ испуганными блуждающими глазами встать съ постели. Еще возмутительнѣй, когда она пошла оправиться, за ней послѣдовалъ стражникъ. Ему сказалъ становой приставъ не отступать ни на одинъ шагъ. Не позорно ли все это? Судя самъ вдругъ барышня при мужчинѣ да при полиціи убирать себя. Прямо-таки возмутительно“.

Со времени изданія манифеста 17 октября всего конфисковано 150 №№ журналовъ и газетъ, а общее число экземпляровъ изъятыхъ изъ продажи №№ газетъ и журналовъ достигаетъ миллиона экземпляровъ.

„Курьеръ“ сообщаетъ, что на этихъ дняхъ въ мастерскія Семяниковаго завода пришло нѣсколько офицеровъ Семеновскаго полка изъ мѣстной охраны для осмотра завода, но они были встрѣчены дружнымъ свистомъ, улюлюканьемъ и даже револьвернымъ выстрѣломъ, такъ что быстро удалились изъ завода. („Изв. Кр. Д.“, № 5).

Тѣнь Шмидта. Одно частное лицо, проживающее въ Петербургѣ получило изъ Севастополя телеграмму, что въ ночь на 11-е мая къ острову Березани, гдѣ находится могила казненнаго лейтенанта Шмидта, подошло парусное судно и спустило лодку съ 16-ю гребцами. Военный караулъ, до сихъ поръ еще не снятый съ острова, поднялъ тревогу, и лодка поспѣшно удалась. (XX Вѣкъ“).

Редакторъ **М. К. Мукаловъ**.

Редакція: Спб., Дегтярный пер., 22, кв. 43.

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ № 1.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную политико-экономическую и литературную газету

„СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ“.

Нужды и вопросы, интересующіе провинцію и деревню, занимаютъ первое мѣсто на столбцахъ газеты „СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ“. Помимо обычныхъ хроники, телефона и телеграфа, газета имѣетъ *собственнаго корреспондента въ Государственной Думѣ и специальный телефонъ*. Пробный № бесплатно.

Въ годъ **3 р. 60 к.**, на 1 мѣс. **40 коп.** (можно марками).

Съ 1 Мая до конца года (31 декабря) **2 р. 50 к.** съ доставкой и пересылкою

Главная Контора и Редакція: Спб., Стремянная, 12, соб. д.

Редакторъ А. Е. Заринъ Издатель П. П. Сойкинъ.

Къ свѣдѣнію

Господь Торговцевъ „Открытыхъ писемъ“

предлагаются Художествен. Открытыя письма.

Адресовать въ Контору „Застрѣльщика“.

Спб., Дегтярный пер., 22, кв. 43.

съ надписью „Худож. письмо“.

УРОКИ МУЗЫКИ.

Б. Ученица проф. ЛЮТИНА.

75 коп. час.

Адресъ узнать въ редакціи „Застрѣльщика“.

УРОКИ

РИСОВАНІЯ И АКВАРЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

преподаетъ учительница рисованія, также исполняетъ портреты Blanc-Noir и акварель.

Адресъ узнать въ редакціи „Застрѣльщика“.

НОВАЯ КНИГА

М. К. Мукаловъ: ДѢТИ УЛИЦЫ.

малолѣтнія проститутки.

Текстъ илл. типами малол. проституткокъ. Ц. 50 к.

Открыта подписка на 1906 годъ на еженедѣльный журналъ сатиры, литературы и современной жизни

„МАЛЯРЪ“

Подписная плата: съ 1-го іюня,—2 р. № 10 коп., въ пров. 12 к. Проб. № высыл. за 14 коп. марками.

„МАЛЯРЪ“ будетъ выходить еженедѣльно отъ 12—16 стр. обычнаго журн. формата, съ карикатурами, рисунками, портретами и виньетками.

Съ № 2-го начнется печатаніемъ „Л. Н. Толстой, его письма и мнѣнія“. Матеріалъ собранъ изъ рус. и иностр. газетъ.

Журналъ „Маляръ“ предназначается, глав. образомъ, для провинціи, и ея „дѣтели“ будутъ разрисованы имъ по заслугамъ, а потому редакція проситъ г.г. читателей, не стѣсняясь фирмой изложенія, сообщать ей такъ или иначе выдающіеся факты изъ жизни—провинціальныхъ болотъ и мракобѣсія ея „отцовъ“ и „понечителей“, снабжая свои корреспонденціи портретами и рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: С. А. Бердяевъ, М. К. Мукаловъ, Е. И. Альфъ (Игнатьевъ), В. М. Арнольдъ, В. Заикина, А. В. Вережниковъ, Сергѣй Соломинъ, А. А. Коринфскій, Н. К. Мукаловъ, А. Н. Палатниковъ, Люди-Земля (псевдонимъ), С. И. Васюковъ, А. В. Заикинъ, № 380 (псевдонимъ), А. А. Осиповъ, В. Т. Ардовъ и др.

Адр. редакціи: Спб., Владимірскій пр., 19.

Издательница **Л. А. Заикина**.

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ

1906 г.

№ 2.

Цена 10 коп.
въ провинции 12 к.

DN 26 2
189
Rural History

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ

ДД

„Г-нъ А. Эстригъ, бывшій
атташе при президентѣ Фор-
рѣ помѣстилъ въ „Словѣ“
письмо о казни въ Ригѣ
мальчика и дѣвочки“.

(Изъ газетъ)

Въ Ригѣ, по улицѣ темной и длинной
Шелъ охранителей шумный отрядъ,
Шелъ торопливо къ окрайнѣ пустынной
Мимо домовъ, мимо оградъ!...
Было ужъ поздно мертвенно—жутко;
Городъ окутался сумерекъ тьмой...
Тамъ... между ними шелъ мальчикъ малютка
Съ блѣдной и плачущей въ страхѣ сестрой!
Мѣрно по грунту дороги шагала,
Какъ бы въ смущеніи, темная рать...
Сзади, безумно рыдая, бѣжала
Бѣдныхъ малютокъ несчастная мать...
Мальчикъ и дѣвочка въ городѣ были...
Площадь кишала зловѣщей толпой...
Послѣ же всѣхъ ихъ нещадно рубили
Конные люди привычной рукой...
Вдругъ изъ толпы дерзновенной рукою
Подъ лошадь главному брошенъ предметъ...
Воздухъ отпрянулъ широкой волною,
Грохотъ раздался и... всадника нѣтъ!...
Люди разсѣлись... Только остались
Около сквера фигурки дѣтей...

— Это, навѣрно, они покушались!
Мысль промелькнула въ сознаньи людей...

Въ Ригѣ по улицѣ длинной и темной
Шелъ охранителей шумный отрядъ;
Шелъ по дорогѣ изрытой, неровной
Мимо домовъ, мимо оградъ!...
Мать отогнали... а стоны несчастной
Смѣхомъ своимъ заглушила орда,
И совершился актъ злобы ужасной
Актъ возмутительной мести тогда!...
Матери мальчикъ кивнулъ головою:
„Полно любимая мама, рыдать,
Къ папѣ иду я... на небо... съ сестрою...“
Только и слышала бѣдная мать...
Дѣвочка, эта—безумно страдала,
Плакала, билась въ суровыхъ рукахъ...
Жизнь ей оставить людей умоляла,
Свѣтился ужасъ въ открытыхъ очахъ!
Залпъ прокатился... Откинулись дѣти,
Кровь показалась изъ чащи кудрей...
Дѣтство прекрасное!... бѣдные дѣти,
Жертвы кровавыхъ загадочныхъ дней!...

Одинокій.

17 мая 06-г.

— Чья это пѣсня, * * *
 Смѣло несется впередъ,
 Кто же ее, эту пѣсню прекрасную,
 Голосомъ чистымъ поетъ?
 Чье это знамя, побѣдное красное
 Вѣетъ въ дали голубой,
 Чьи это лица веселія ясныя
 Влещутъ духовной красой?...

Пѣсня замолкла, разорвано знамя,
 Грязью покрыто, лежитъ на землѣ,
 Свѣтлой надежды погаснуло пламя,
 Пѣвшіе пѣсню томятся въ тюрьмѣ.
 Стоны глубіе міръ потрясаютъ
 Скорбью великой своей,
 Звуки печальныя сердце терзаютъ
 Лязгомъ желѣзныхъ цѣпей.

Вѣра Заикина.

Какъ спасти Россію.

(Изъ размышлений отставного чиновника).

I.
 Рабочій смѣетъ бунтовать?
 Арестовать!
 Мужикъ задумалъ разсуждать?
 Арестовать!
 „Земли и воли“ восклицать?
 Арестовать!
 Союзы стануть учреждать?
 Арестовать!
 Изъ кассы вклады будутъ брать?
 Арестовать, арестовать!
 Въ участокъ всѣхъ забрать!

Забрать!

II.
 Къ возстанію стали призывать?
 Перестрѣлять!
 Министровъ вонъ въ отставку гнать?
 Перестрѣлять!
 Дороги будутъ бастовать?
 Перестрѣлять!
 Судомъ народнымъ угрожать?
 Перестрѣлять!

Казармы стануть бунтовать?
 Перестрѣлять, перестрѣлять!
 На казнь всѣхъ послать!

Послать!

III.
 Не помогаетъ все же знать...
 Куда жъ еще стрѣлять?
 Съ народомъ все не слобовать,
 Кого-бъ арестовать?
 Намъ взаимы не хотятъ давать,
 Стрѣлять иль не стрѣлять?
 Пришлось, видно, маху дать,
 Кого-жъ арестовать?
 Добра-то нечего ужъ ждать,
 Въ кого ужъ тутъ стрѣлять?
 Придется видно уѣзжать,
 Монетки спѣшно собирать
 Да безъ оглядки маху дать

Удрать!

Не—Буква.

Въѣхъ въѣхъ дѣла.

Когда страна сплошь залита вся кровью
 И громкій стонъ звучитъ изъ края въ край,
 И черной сотни строй увѣренно съ любовью
 Въ участки ломится какъ будто въ свѣтлый рай
 Когда повсюду звѣрствуютъ казаки,
 Нагаекъ свистъ звучитъ
 И надъ душой и тѣломъ гражданина
 Рой губернаторовъ безмысленно царить;

Когда по всей Руси грохочутъ пулеметы
 И пушекъ рядъ палитъ,
 И выжжены голодныя деревни
 И людъ честной по тюрьмамъ сплошь сидитъ;—
 Тогда ка-деты рѣчи возглашаютъ
 И о „легальности“ на Русь на всю твердятъ,
 „Конфликта“ мастерски всемірно избѣгаютъ,
 „Къ очереднымъ дѣламъ“ на всѣхъ парахъ спѣшатъ...

Не—Буква.

Три освобождения.

(19 ф. 64, 17 окт. 05..., ?).

I.

Дорогой пыльной, изнемогая подъ тяжкой ношей, мѣшкомъ желѣза, бѣдняга плелся...

И на мѣшкѣ томъ ярлыкъ привѣшенъ, чтобы каждый вѣдалъ про вѣсь желѣза.

И потъ катился съ чела бѣдняги, и гнулись плечи подъ тяжкой ношей.

И вотъ хотѣлъ онъ мѣшокъ ужъ сбросить, какъ вдругъ бояринъ предъ нимъ явился:

„Изнемогаешь?“ — спросилъ бояринъ, — „Терпѣть нѣтъ мочи!“ — сказалъ бѣдняга!..

„Такъ вотъ что, братецъ — ярлыкъ сорву я; пускай не знаютъ, что тяжело бремя!..

„И будетъ легче тебѣ казаться мѣшокъ желѣза“, — сказалъ бояринъ...

Бѣднякъ поплелся... Зима стояла... Февраль холодный былъ въ серединѣ!..

II.

Дорогой пыльной, изнемогая подъ той же ношей, мѣшкомъ желѣза, бѣдняга плелся...

И только сбросить хотѣлъ мѣшокъ онъ, какъ вдругъ бояринъ предъ нимъ явился:

„Здорово, братецъ!.. Не легче-ль ноша безъ ярлыка-то съ указской стала?“

„Ой, тяжело, тяжело!“ стоналъ бѣдняга: „Горятъ всѣ плечи и грудь ослабла!.. Ужъ видно сбросить придется ношу!“

„Зачѣмъ бросать-то?.. Постой немного — прибудетъ силы!“ — съ тревогой тайной сказавъ бояринъ...

Бѣдняга взрогнувъ и, точно, силу въ себѣ почуявъ, и съ плечъ мѣшокъ онъ хотѣлъ ужъ сбросить...

Сробѣлъ бояринъ, но взявъ нагайку и ею началъ хлестать бѣднягу: „Пора работать!“

Бѣднякъ поплелся... Стояла осень... Октябрь дождливый уже кончался...

III.

Дорогой пыльной, изнемогая подъ той же ношей, мѣшкомъ желѣза, бѣдняга плелся.

И вотъ упалъ онъ, и придавило мѣшкомъ бѣднягу и кровь ручьями съ чела катилась...

Лежитъ онъ тихо и тихо стонетъ, какъ вдругъ бояринъ предъ нимъ явился:

— Что, братецъ, тяжело?

Смолчалъ бѣдняга, но, силъ набравшись, съ земли поднялся, и... ношу сбросилъ!..

И былъ придавленъ мѣшкомъ тяжелымъ его совѣтчикъ, лихой бояринъ.

Почуявъ волю, почуявъ силу, пошелъ крестьянинъ къ родной деревнѣ...

Весна стояла... Сверкало солнце... Въ лѣсу прохладномъ порхали птицы. В. Князевъ.

„Отецъ семейства, приведи
Къ могилѣ мученика сына,
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина.
Любовью къ родинѣ дыша
Да все для ней онъ переноситъ —

И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ,
Пусть будетъ чести образцомъ
За страждущихъ желѣзной грудью
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью... К. Рылѣвъ.

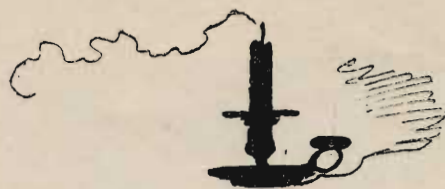
Предлагаемое стихотвореніе написано поэтомъ-революционеромъ Декабристомъ К. ф. Рылѣвымъ, окончившимъ жизнь на висѣлицѣ 13 іюля 1826 г. на смерть Волинскаго, казненнаго императрицею Анной.

13 іюля 1906 года минетъ ровно 80 лѣтъ со дня, когда онъ былъ повѣшенъ, какъ первый русскій революціонеръ. М. М.

Свобода молніей сверкнула,
И озарила сводъ небесъ,
Она съ чарующею лаской,
Въ густой проникла, мрачный лѣсъ.
И вотъ зигзагомъ яркимъ въ небѣ
Изъ грозныхъ возсіяла тучъ,
Забыть тотъ лучъ нельзя ужъ было,
Онъ былъ живительно могучъ;
И все живое, что безъ свѣта,
Влачилося много рабства лѣтъ,
Заволновалось, вздохнуло,
Изъ душъ свободѣ шля привѣтъ.
Она сверкнула, и пропала,
И омрачился цѣлый міръ,
И властью страшною облекся,
Дремавшій, сказочный Вампиръ,
Своею грубой властью дерзко,
Онъ заслонилъ свободы свѣтъ,
А тѣхъ, кто къ ней душой стремился,
Онъ привлекалъ держать совѣтъ.
И безъ суда, презрѣвъ законы,
Сталъ вѣшать, драть и убивать,
А кровь невинную, святую,
Онъ ненасытно сталъ сосать.
Все раздѣлилось, все изныло,
Законовъ болѣ нѣтъ, какъ нѣтъ,
И за прекраснѣйшею вѣстью
Потокомъ кровь лилась въ отвѣтъ.
Казалось все тогда смирилось,
Поникло долу головой,
И призадумавшись молчало,
Сбиралось хлынуть вновь волной;
О, сила та, что правду видитъ,
Что власть имѣетъ и молчитъ,
Вступи за праведную правду,
Она въ крови свой путь влачитъ.
И столько слезъ, рыданій, горя,
Не слышно было на землѣ.
Въ вѣкъ изувѣченной свободы,
Душа ея горитъ въ огнѣ.
О, солнце яркое свободы,
Взойди скорѣй и осѣни,
И власть неправую Вампира
Безслѣдно по землѣ сожги.

Людмила.

Выдержки изъ монолога.

— „О, родина, я такъ тебя люблю,
Что радъ бѣжать, да некуда. Ужасно“...

Не будетъ слезъ, не будетъ мукъ.
Когда исчезнетъ . . .

„Нѣтъ, не могу куда бѣжать?!

На Невскій? Будутъ тамъ стрѣлять“.

Бѣжитъ на Невскій и старается во что-бы
нистало попасть подъ выстрѣлъ. Его убиваютъ.
Онъ падаетъ и завѣса жизни опускается.

За кулисами, какъ будто, слышится пѣніе.

— Намъ не надо . . .

— Ненавистенъ . . .

— Вставай . . .

Но скоро все смолкаетъ и слышится только
бульканье не то вина, не то крови. . . .

А. Щ.

Потокъ-Богатырь.

Пробудился Потокъ на Нѣвѣ, на рѣкѣ,
Возлѣ стараго сгнившаго моста—
Видитъ, шумно шагаетъ толпа вдаль
Человѣкъ, приблизительно, во сто.
Съ краснымъ флагомъ по улицѣ движется людъ,
Всѣ опрятно и скромно одѣты;
Какъ одинъ, громкимъ голосомъ мощно поютъ
Марсельезы рабочей куплеты..
Удивился Потокъ и къ толпѣ подошелъ:
Что, моль, это за притча такая?..
Аль войной намъ грозитъ Византійскій орелъ
Али княжья потѣха какая?..
На разспросы Потока несется отвѣтъ:
„Мы разбили тюрьму деспотизма!..
Революція шлетъ намъ свой первый привѣтъ
И толкаетъ въ путь социализма!..
„Мы дождались желанныхъ, реальныхъ свободъ;
Мы дождались побѣдъ демократа...“—
Перебилъ богатырь:—„Нѣтъ, скажи ты мнѣ, вотъ
Чья теперь, между прочимъ, земля-то?“—
—„А, земля... Современный аграрный вопросъ
Допускаетъ захваты имѣній—
Это всюду создастъ пролетаріевъ ростъ
И сотретъ капиталъ, безъ сомнѣнья!..
—„Но утопій ессера, народъ—берегись!
Не прельщайся есеровскимъ саномъ!“—
Перебилъ богатырь: „ты, вѣдь, русскій, кажись;
Такъ чего же мычишь басурманомъ?“—
Тотъ Потокъ въ отвѣтъ снова сыплеть слова:
„Марксъ... Плехановъ... отрѣзки... надѣлы...“
У Потока—давно ужъ трещить голова
И ужъ слушать давно надоѣло..
А толпа далеко отъ Невы ужъ идетъ
И охрипнуть пѣвцы поуспѣли;
Вдругъ, въ идущій народъ, въ подтвержденіе свободъ,
Зашелкали свинцомъ по панели!..
Залпъ за залпомъ!.. Кричатъ, проклиная, бѣгутъ!..
Видитъ старый Потокъ дѣло плохо!..
Ужъ чего ожидать, коль свободу даютъ
Изъ свинцоваго нынѣ гороха!..
И Потокъ богатырь отъ толпы отошелъ,
Вѣрной смерти своей избѣгая,
И изъ города вышелъ и въ поле пошелъ
И проспалъ тамъ до самаго мая!..

II.

Пробудившись вновь, оглянулся кругомъ,
Видитъ: идутъ дорогою торной
Господа, мужики въ Бѣлокаменный домъ,
Что давно ужъ гніетъ на Шпалерной!
Вѣчной памяти, жилъ тамъ вельможа одинъ,
При царицѣ—любви Катеринѣ,
Позже выставки были игрушекъ, картинъ,
И ка—детская выставка нынѣ!..
Удивленный Потокъ за толпою пошелъ
И, за хвостъ уцѣпившись кадета,
Вмѣстѣ съ нимъ въ полутемное залo вошелъ,
Безо всякаго, прямо, билета!..
Не прошло и минуты—поднялся галдежъ
Объ амнистии, долгѣ, о „дѣлѣ“..
Результаты же въ общемъ—поломанный грошъ,
Хоть галдѣли 4 недѣли!
А работала только лишь „группа труда“;
Разсердился Потокъ ни на шутку,
На трибуну взошелъ, закричалъ „Господа,
Вы послушайте только минутку!..
—„Какъ народный боецъ, говорю я вамъ всѣмъ:
Побросайте скорѣй разговоры,—
Васъ послали сюда не за этимъ совѣмъ,
А разбить роковые затворы!..
—Васъ послали сюда, чтобы грудью своей
Въ тайгѣ жизни вы путь проложили,
А позорные пути тяжелыхъ цѣпей
Не словами—булатомъ разбили!..
—„Посмотрите, кровь алой рѣкою течетъ,
Города и поля заливая!..
Посмотрите, вездѣ истязуетъ народъ
Беззаконная, наглая стая!..
—„Что же медлить?.. Горитъ ужъ зарею востокъ;
„Переполнилась чаша страданья“..
Но былъ прерванъ ка-детской толпою Потокъ
И покинуть онъ долженъ былъ зданье!..
Затуманились старыя очи слезой
И поникъ богатырь головою:
—„Что-то будетъ съ тобою, о, край мой родной!
Что-то будетъ, отчизна съ тобою!“—
И пошелъ торопливо изъ города онъ
Прочь отъ лживой ка-детской свободы..
Очи ясныя быстро сомкнулъ ему сонъ,
И заснулъ онъ на долгіе годы!..

Одинѣй Буревѣстникъ.

„Мы ждемъ тебя!“

ПѢСНЬ.

(На мотивъ: „Я васъ ждала!“).

- Отдайте намъ свободу,
Откройте намъ тюрьму,
Разружьте эти своды
И мрачную стѣну.
Мы ждемъ тебя,
Амнистїи привѣтъ,
Проходятъ дни,
Тебя все нѣтъ и нѣтъ.
- Здѣсь въ мрачныхъ казематахъ
И душно, и темно,
А вамъ въ большихъ палатахъ
Конечно. хорошо...
Мы ждемъ тебя,
Амнистїи привѣтъ,
Проходятъ дни,
Тебя все нѣтъ и нѣтъ.
- Ужель васъ не смущаетъ,
Какъ стонетъ вся страна,
Какъ плачетъ и рыдаетъ
Народная толпа.
Мы ждемъ тебя,
Амнистїи привѣтъ,
Проходятъ дни,
Тебя все нѣтъ и нѣтъ.
- Вы много общали,
Клялись исполнить все,
А между тѣмъ не дали
Народу ничего.
Мы ждемъ тебя,
Амнистїи привѣтъ,
Проходятъ дни,
Тебя все нѣтъ и нѣтъ.

Grillon.

Лучи мѣсяца.

Миніатюра Надежды Кибальчичъ.

Переводъ съ галицкаго, М. К. Мукалова.

Красная комната освѣщалась краснымъ фонаремъ. Единственное окно было открыто, красная занавѣска до половины закрывала его, но все-же въ эту игрушечную комнату не ясно проникало сіяніе мѣсяца.

Красный свѣтъ комнаты смѣшивался съ лучами мѣсяца—казался грубымъ и неприятнымъ.

Въ томъ мѣстѣ комнаты, которое сильнѣе освѣщалось лучами мѣсяца, стояло кресло и на него упала барышня Бети, прибѣжавъ съ неумнаго и веселаго зала. Ея маленькая фигурка въ темно-зеленомъ шелковомъ платьѣ, съ пышными по локоть рукавами, казалась совсѣмъ мизерной при смѣшанномъ освѣщенїи фонаря и лучей мѣсяца.

Блѣдное лицо Бети казалось еще болѣе блѣднымъ; карія, блестящія глаза—померкли и изъ живой, капризной и насмѣшливой красавицы—получилась некрасивая—жалко-смѣшная фигурка...

Она убѣжала изъ шумнаго зала, ей такъ сдѣлалось скверно... Такое неприятное общество съ его пустословіемъ...

— Пустословіе? Вдумывалась дѣвушка въ это слово.

— Какъ это характерно! Правда, въ ихъ разсужденїяхъ нѣтъ смысла.

— Что это за мысли у нея! Давно-ли? И сама не знаетъ.—Что-то, гдѣ-то слышала. Такъ урывки какихъ-то мыслей...

До сихъ поръ она слышала и такъ думала, что они—ихъ кружокъ, это, такъ сказать, лучшія люди города, избранники среди сѣрой массы,—а теперь недоумѣвая спрашивала—чѣмъ они лучше?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже давно готовъ: „мы лучше тѣмъ, что у насъ сильнѣе развито чувство эстетики, а это возвышаетъ человѣка изъ обычнаго уровня“.

Продумавши она пришла къ заключенію, что все это вздоръ. Вышее—это мысль. Чѣмъ она у нихъ выражается?

Какъ-то она зашла на кухню (чего она туда зашла). На столѣ лежалъ заколонный поросенокъ. Такой упитанный, бѣлый. И вотъ ей стало казаться, что всѣ ея знакомые и родственники ни что иное, какъ бѣлое, упитанное тѣло—безъ души... Какая гадость! Что вспомнила!..

Ея жизнь—словно пасмурный день; не на чемъ отдохнуть душой ни теперь, ни прежде и въ будущемъ тоже...

Ее жизнь называютъ счастливой—ей завидуютъ.. Хотя-бы мигъ, секунду, настоящей жизни—жизни мысли... За мигъ такой жизни отдала-бы и красоту и богатство и все, все!..

— Ахъ этотъ красный свѣтъ! Какой онъ!.. Пусть только освѣщаютъ комнату лучи мѣсяца и Бети быстро встала, чтобы погасить фонарь; въ этотъ же моментъ дверь отворилась и въ комнату вошла видная дама, бѣлолицая, съ черными глазами, въ роскошномъ платьѣ, и остановившись на срединѣ, вся облитая краснымъ свѣтомъ, льющимся изъ фонаря.

— Гдѣ ты Бети? Что съ тобою?—удивленно спрашивала дама, разсматривая разстроенное личико дѣвушки.

— Иди-же въ зал! Тебя нѣтъ и твоему первенству угрожаетъ опасность. Елена Загорская очаровала всѣхъ—а ты тутъ. Какая-же ты блѣдная!

— Это лучи мѣсяца такъ скверно вліяютъ на тебя.

Только что роившіяся въ головѣ дѣвушки мысли—исчезли, словно ихъ никогда и не было; лучи мѣсяца стали для нея неприятными, и она рѣзкимъ движеніемъ руки сразу опустила штору на окнѣ и вышла въ зал.

Лучи мѣсяца исчезли.

Призраки.

— Дитяtko, милость Господня съ тобою,
 Что ты не спишь до полночи глухой?
 — Мама... Мнѣ страшно... Вампиръ надо мною
 Кровью залитый, съ усмѣшкою злой...
 Мама!.. Гляди-ка... Тамъ Треповъ... Тамъ Треповъ
 Съ Побѣдоносцевымъ лѣзутъ въ окно...
 — Полно, родимый!.. Надѣйся на Бога...
 Оба въ отставку они ужъ давно...
 — Мама!.. Гляди-ка... Тамъ Нейдгардтъ и Курловъ
 Смертью грозятъ и киваютъ на насъ...
 — Полно, усни, моя милая крошка,
 Въ Ниццѣ вѣдь оба—полгода какъ разъ...

— Мама!.. Аврамовъ стоитъ, Луженовскій,
 Сахаровъ вонъ, Филимоновъ тамъ съ нимъ...
 — Полно же! Будь съ нами сила святая!..
 Вѣчную память ужъ спѣли по нимъ...
 — Мама... Гляди-ка... Все золото да золото
 Такъ все въ глазахъ и блеститъ, и горитъ...
 — Полно, родимый! Какое тамъ золото...
 Нѣтъ ни гроша... Не дають и въ кредитъ
 — Мама... Гляди-ка... Казаки, жандармы...
 Вонъ Горемыкинъ съ Стишинскимъ стоитъ...
 Мама, мнѣ душно... Орелъ вонъ двуглавый...
 Ужасомъ, злобой душа вся горитъ...

Не—Буква.

— „Отречемся отъ стараго міра“

Дружно пѣла народа толпа,
 И, въ туманной дали пропадая,
 Марсельезы звучали слова.

Вдругъ въ толпѣ пронеслося смятеніе
 — Расходись!... грозный крикъ прозвучалъ.
 Свистъ нагайки протяжный и звонкій
 Марсельезы слова перервалъ...

Впра Заикина.

Л. А. Волкенштейнъ.

Людмила Александровна Волкенштейнъ была арестована и судима въ 1883 г. по „процессу 14-ти“ и приговорена къ смертной казни, замѣненной 15-лѣтней каторгой. Въ октябрь 1884 г. она была перевезена изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургъ. Въ 1896 г., по окончаніи срока заточенія, ей предстояла ссылка на Сахалинъ, куда она и была отправлена лишь въ 1897 г., просидѣвъ еще годъ въ одиночномъ заключеніи въ Одесской пересыльной тюрьмѣ.—Въ 1902 г. Л. А. получила возможность переѣхать во Владивостокъ, въ качествѣ „крестьянки изъ ссыльных“. Съ полной энергіей и рѣшительностью она продолжала служить дѣлу освобожденія и принимая горячее участіе въ послѣднемъ революціонномъ возстаніи во Владивостокъ — 10 января 1906 г. была смертельно ранена пулей и тотчасъ же скончалась на 47 году жизни.

Л. А. написаны записки: „13 лѣтъ въ Шлиссельбургской Крѣпости“.

Назадъ.

Пѣснь „Ретроградовъ“.

Конецъ „Крамолъ“, мы ее изгнали,
Арестовавъ безумныхъ главарей,
Хотя невинныхъ много разстрѣляли,
За то спасемъ отъ ужаса людей!
Конецъ „свободѣ“, мы ее прижали,
Не разрѣшая митинговъ, рѣчей,
Печать репрессіями мы сковали,
Орду собрали „черныхъ силачей“.
Ея завѣтъ и кличъ побѣдоносный:
„Держи, руби, патроновъ не жалѣй!“
Избавитъ отъ голодной и несносной
Толпы борцовъ опасныхъ намъ идей!
Вновь заживемъ по старому, спокойно,
Стремясь побольше „денежекъ“ нажить.
Намъ толковать о правдѣ непристойно...
Итакъ „назадъ“, и нечего тужить!

Офицеръ.

Изъ русской исторіи.

Въ Портсмутѣ заключили
Позорный миръ... Ура!
Японцы насъ побили—
Теперь не ждать добра!
— А что вы, расскажите,
Откуда это зло?
Во всемъ виновенъ Витте
И

Риса-Ринъ.

О томъ, какъ Лиса надъ курами воевод- ствовала.

(Сказка)

„Ты знаешь, я была въ ку-
рятникѣ судьей!“

А и много у насъ сочинители про Лису
сплетокъ складывали, да только это не въ на-
шемъ царствѣ—государствѣ было, а за три-
девять земель—отъ насъ и не видно

Ну и въ этомъ вотъ тридевятиомъ царствѣ
Лису надъ курятникомъ воеводой сдѣлали.

А ко времени тому большое замѣшатель-
ство въ курятникѣ вышло—что и подѣлалось,
не пойму!

Жили куры до той поры тихо да спокойно:
червячковъ искали, клектали про себя уми-
лительно. А что вороны цыплятъ малыхъ оби-
жаютъ, такъ даже за честь почитали. Правда,
иной пѣтухъ красноголовый (птица, известно,
безпokoйная и неблагонамѣренная) заоретъ:

„Ку-ку-ре-ку! воронья больно много рас-
плодилось: кормъ нашъ жрутъ, цыплятъ ма-
лыхъ обижаютъ, да и намъ, курамъ да пѣту-
хамъ, отъ нихъ не сладко приходится. Долой
воронь. Ку-ку-ре-ку!“

Ну, такъ въ ту пору, какъ водится, яст-
ребъ зоркій откуда не возмись—цапъ-царапъ
крикуна и сдѣлаетъ ему карачунъ, либо въ
клѣтку желѣзную его запретъ.

У молодыхъ пѣтуховъ гребешки кровью
нальются, покудачутъ куры жалобно, запи-
щатъ малые цыплята, да и опять тишь да
гладь настанетъ...

Долго ли, коротко ли такъ было, да къ
тому времени, какъ Лисѣ воеводой стать, за-
мутилось, говорю, на курятникѣ, страсти!

Пѣтухи молодые крикомъ кричатъ, стали
въ сообщества за курятникомъ собираться.
Малые цыплята и тѣ: „долой“ пищать выучи-
лись. Куры тоже пѣтушину напѣву учиться
начали и на воронъ жалобу писать задумали.
Бѣда да и только!

А то еще, слухи пошли (видно и въ томъ
царствѣ газетчики да сочинители водились):
тамъ ворона чиновнаго пѣтуха на смерть за-
клевала, а тамъ цыплята стайей воронѣ хвостъ
повыдергали, только перья по вѣтру гуляютъ.

Правда, бьютъ ястреба несчастно куриное
отродье, да... (ребятишки болтали, а мнѣ что,
какъ слыхалъ, такъ и сказываю) ястребъ го-
лову пѣтуху снесетъ, а на мѣсто ея другая
вырастаетъ!

Видятъ вороны, неладно дѣло—къ Лисѣ
съ поклономъ:

„Выручи Патрикѣвна! у тебя хвостъ пу-
шистый, ласковый; слѣды замѣтать не въ
первой тебѣ. Кохинхинокъ заморскихъ тоже
надутъ сѣумѣла, такъ неужто наши то домо-
рощенные похитрѣй будутъ? Ужъ постарайся,
а мы за наградой не постоимъ; хоть каждый
день цыплятъ кушай, да, только, по закону
чтобъ выходило!“

Ну, Лисынька хвостикомъ повертѣла, лап-
ку пушистую облизала и таковымъ то слад-
кимъ голосомъ запѣла:

„Куры, пѣтухи молодые, чади мои люби-
мыя! Пришла я къ вамъ, жизнь вашу устро-
ить. А для облегченія вашего свободѣ запаса-
лъный коробъ: А и „ку-ку-ре-ку“ кричи не

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ № 2.

робѣй, и на счетъ тамъ петицію какую нацарапать тоже можно, и сходбища за курятникомъ не возбраняются, и вороны васъ теперь не тронуть незаконно; а что вы тамъ говорили, чтобъ цыплятъ да пѣтуховъ молодыхъ изъ клѣтки выпустить, такъ это тоже будетъ. Только, конечно, чада мои дорогія, я на ваше благоразуміе надѣюсь! Поддержите меня, братцы мои, а мнѣ ваше довѣріе дорого!“

Лисынька тутъ умилилась и даже слезку лапкой бархатной смахнула.

И что тутъ поднялось въ птичьемъ царствѣ!

— Куры чинно рядкомъ стали и про „довѣріе“ лепетать начали; цыплята марсельезу запѣли, а пѣтухи красноголовые сейчасъ—на заборъ и „Побѣда!“ кричать. Ужъ, какъ ихъ куры не уговаривали: „милость“, молъ, а не „побѣда“,—не унимаются: „Ку-ку-ре-ку! Побѣда! Долой, воронъ!“ Вѣдь вотъ неблагодарные...

И, вдругъ, откуда не возьмись, налетѣло ястребовъ видимо не видимо и давай куръ и пѣтуховъ молодыхъ направо—налѣво бить да увѣчивать.

Остолбенѣли куры: „Ку-дакъ-такъ-такъ? Вѣдь „свобода“, слышь, любезный! Ястребамъ кричать. А ястребъ покрупнѣе въ отвѣтъ имъ:

„Я вамъ дамъ свободу! Не жалѣй, ребята, патроновъ, бей во всю куриное племя!“

Много тутъ пѣтуховъ озорныхъ полегло, а куры разумныя въ курятникъ попрятались...

И пуще прежняго стали ястреба озорничать и стонъ въ курятникѣ пошелъ.

Шлютъ куры къ Лисѣ депутацію за депутаціей: „Что же ты“, молъ „Лисынька, зря набрехала? А вотъ опять ястреба лютые цыплятъ нашихъ порастаскали да въ клѣтку желѣзную усадили; а Сычъ—пучеглазый загородку колючую вокругъ курятника сдѣлалъ, а ни въ поле пойти, ни на свѣтъ посмотреть!“

А Лиса лапочки сложила, головкой покачала и таково тихо, нѣжно молвила:

„Куры, мои благоразумныя! А что вы на счетъ Сыча говорите, я и не вѣдаю: впервой отъ васъ слышу. А на ястребовъ вы напрасно обижаетесь они это на пользу вамъ дѣлаютъ—смуту у васъ сокращаютъ. Вотъ поутихнутъ у васъ малость, перестанутъ пѣтухи красноголовые весь курятникъ мутить, мы сейчасъ и „свободы“ изъ короба!“

Покачали головой куры и пошли къ себѣ. А покудова онѣ депутаціями забавлялись, пѣтухи красноголовые не дремали, за курятникомъ собирались, дѣло молвили. Хотъ и зорки ястреба глазастые, да не доглядѣли.

По соломинкѣ да по щепочкѣ, анъ, крыша то курятная, что свѣтъ загораживала и солнышки не пускало, и подались.

Да еще что красноголовые придумали!—рѣшетку колючую расклевали да и курятникъ со всѣхъ концовъ запалили. Ай-да, птичье царство, на широкое поле, на вольную волю.

Говорятъ и Лиса отъ огня сгнула, болтаютъ, что и вороны на томъ мѣсто съ той поры не заглядывали. А пѣтухи молодые стали жить поживать сами управлять, да и куръ уму разуму научили.

Вотъ какъ въ тридевятомъ то царствѣ было!

Veta.

Великій день священнаго суда!

Онъ близится,

Я чувствую его приходъ желанный.
Довольно мукъ! Нѣтъ болѣе рабовъ!
Онъ близокъ день великій, долгожданный.
Довольно ковъ! Кровавый произволь
Сойдетъ съ земли и робкія надежды
Не искоркой, а пламенемъ зари
Зажгутъ опять свои больныя вѣжды.
Довольно слезъ! Великой мести богъ
Идетъ казнить безчестье и насилие.
Мы не рабы! О, еслибъ только крылья—
Мы встрѣчу вольные помчались-бы къ нему.
Священный день, великій день суда,
Вотъ онъ спѣшитъ, какъ дивный житель рая
Свѣтъ радости, глашатай ясныхъ бурь
Пойдемъ къ нему, о, родина святая;
Да, близокъ день священнаго суда

Великій день!

Я чувствую его приходъ желанный.
Довольно мукъ! нѣтъ болѣе рабовъ,
Онъ близокъ день великій долгожданный.

А. Щегловъ.

Бюллетени Русской Жизни.

Г. Владимировъ, рисуетъ въ „XX Вѣкѣ“ жуткую картину казни, совершенной надъ восемью революціонерами въ Ригѣ, въ отвѣтъ на запросъ государственной думы.

Восьмерыхъ приговоренныхъ къ смерти вывели на дворъ гюрьмы; со всѣхъ сторонъ ихъ окружили солдаты..

Ихъ повели черезъ весь городъ къ стоянкѣ миноноски на Двинѣ.

Приговоренныхъ размѣстили на миноноскѣ, нѣкоторые попытались броситься въ воду, а Мейеръ вступилъ въ борьбу. Его повалили на полъ и связали ему ноги.

Нѣсколько разъ часовой ударялъ его головой объ полъ, чтобы онъ лежалъ спокойно, но Мейеръ не поддавался, употреблялъ всѣ усилія, чтобы освободиться отъ веревокъ.

Онъ производилъ впечатлѣніе сумасшедшаго.

Солдаты говорили, что онъ и дѣйствительно съ ума сошелъ, и не былъ похожъ на остальныхъ приговоренныхъ.

Сиполь, по прежнему держась въ сторонѣ отъ другихъ, тихо, несвязно говорилъ, какъ бы самому себѣ: „Я ни въ чемъ не виноватъ! Клянусь!“.

Остальные пѣли революціонные гимны, ободряли другъ друга...

Миноноска пристала къ острову Манусгольмъ. Дѣло происходило тихимъ, прекраснымъ утромъ.

Приговоренныхъ торопили къ мѣсту казни. Съ ней за-
поздали.

Невдалекѣ показали 8 столбовъ, вкопанныхъ въ песокъ, тутъ же около нихъ были вырыты ямы. Гробовъ не было.

Ихъ подвели къ мѣсту казни и стали привязывать къ столбамъ.

Наступила ужасная минута: Сипполь, съ безумнымъ взглядомъ, бросился на привязывавшихъ его усть-двинскихъ пѣхотинцевъ, что-то кричалъ имъ, слышались его отдѣльныя слова: „Я ни виновенъ! За что? За что?“ Но когда веревки все туже и туже обхватывали его тѣло, и узелъ окончательно былъ затянутъ и уже готовились накинуть на его голову мѣшокъ, онъ въ припадкѣ безумія набросился зубами на одного солдата, не понимая, что дѣлаетъ.

Въ эту страшную минуту онъ сошелъ съ ума... Пѣна выступила около губъ, и онъ кончился, затянутый веревками, въ страшныхъ мукахъ.

Другіе приговоренные просили солдатъ не привязывать ихъ къ столбу, и не надѣвать на головы мѣшка. Солдаты отвѣтили, что не имѣютъ права этого сдѣлать, и продолжали свою работу.

Не такъ-то просто дѣло обошлось съ Мейеромъ: потребовалось употребить большую силу и побои, чтобы притянуть его веревками къ позорному столбу.

Солдатамъ, пѣхотинцамъ, онъ крикнулъ:

— Помните! Вамъ, солдаты, будетъ гораздо хуже, нежели намъ! Наша кровь отзовется на палачахъ!..

Прочитали приговоръ, выстроили передъ столбами 16-ю роту мало-ярославскаго полка, и поручикъ Петровъ sko-мандовалъ:

„Пли“...

Раздались три залпа.

Тѣла вмѣстѣ со столбами побросали въ яму и засыпали ихъ рѣчнымъ пескомъ.

На солдатъ, участвовавшихъ въ экзекуціи, казнь произвела страшно тяжелое впечатлѣніе.

Застѣнокъ въ Ригѣ.

Какъ это ни покажется невѣроятнымъ, въ наше время, при наличности народнаго представительства и послѣ провозглашенія всякихъ „свободъ“, существуютъ правильно оборудованные и хорошо обставленные застѣнки для пытанія подсудимыхъ! Оказывается, что пытки примѣнялись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ наканунѣ процесса 8-ми казенныхъ въ Ригѣ и разбирающагося теперь процесса 36-ти. Кровь стынетъ въ жилахъ и сердце сжимается отъ боли, когда читаешь ужасныя подробности пытокъ, передаваемая въ „XX Вѣкѣ“ неумолимымъ обличителемъ всѣхъ этихъ карательныхъ звѣрствъ, г. Владимировымъ.

Такихъ застѣнокъ въ городѣ имѣется 3 (можетъ быть, болѣе, но мнѣ удалось получить свѣдѣнія только о трехъ застѣнкахъ).

Въ этихъ застѣнкахъ пытаются подсудимыхъ, чтобы добыть тотъ матеріалъ для суда, который при другихъ условіяхъ не могъ бы быть полученъ. Пытаютъ этихъ жертвъ, чтобы подъ давленіемъ переживаемыхъ ими страшныхъ фи-

зическихъ страданій, подсудимый оговорилъ себя и товарищей, указываемыхъ ему палачами.

Въ Ригѣ существуютъ три инквизиціонныхъ застѣнка: 1) Сыскное отдѣленіе, 2) Съѣзжій домъ при 2-й Петербургской части и 3) Второй Митавскій участокъ.

Когда подъ ударами палача несчастный падаетъ на полъ обезсиленный, безъ чувствъ, тогда инквизиторы обливаютъ его холодной водой, пока не придетъ въ сознаніе.

Но если и это не помогаетъ, если послѣ всѣхъ нанесенныхъ истязаній тотъ продолжаетъ упорствовать—не оговариваетъ себя и своихъ товарищей, то его вновь начинаютъ бить, но уже „смертнымъ боемъ“. Тогда примѣняютъ къ замученной жертвѣ методы своего собрата по оружію палача Аврамова—выдираютъ изъ его головы волосы, втираютъ въ зарубцованныя мѣста соль, примѣняютъ даже электричество.

Съ „чистосердечнымъ признаніемъ“ пытки кончались. Замученную жертву отвозили въ камеру и мѣсяца черезъ полтора подсудимый появлялся передъ лицомъ военнаго трибунала, гдѣ ему и его оговореннымъ товарищамъ про-
износили приговоръ: смертная казнь.

Разумѣется, нерѣдко случается, что смертная казнь совершается и до суда, т. е. мнимые преступники умираютъ во время пытокъ, какъ свидѣлствуютъ передаваемые г. Владимировымъ факты.

Обращаясь къ послѣднимъ политическимъ процессамъ въ Прибалтійскомъ краѣ, г. Владимировъ, между прочимъ, передаетъ слѣдующее:

Сейчасъ въ процессѣ 36-ти есть старуха Лахтъ, имѣющая отъ роду болѣе 50-ти лѣтъ; она такъ напугана всѣмъ происходящимъ около нея, что стала заговариваться, сдѣлалась совершенно ненормальной и защита потребовала подвергнуть ее медицинскому освидѣтельству.

Въ процессѣ, который закончился недѣлю тому назадъ и въ результатъ котораго оказалось 8 человекъ законно разстрѣлянныхъ, оговаривали двое: Виндеусъ и Таркшъ.

Во время моего пребыванія въ Ригѣ министръ внутреннихъ дѣлъ затребовалъ это дѣло къ себѣ по телеграфу. Надо думать, онъ хочетъ дать отвѣтъ на запросъ Думы Въ этомъ дѣлѣ, по заключенію защиты, 6 человекъ разстрѣляны невинно, ихъ alibi было ими установлено.

Теперь же перейду къ дѣлу 36-ти.

Чтобы создать для этого большого дѣла „чистосердечныя признанія“—пришлось прибѣгнуть къ болѣе радикальнымъ средствамъ пытки, нежели примѣнялись ранѣе. Здѣсь недостаточно было пытать, нужно было грозить смертью, и даже убить.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ, по показанію 3-хъ свидѣтелей-подсудимыхъ:

„Понадобилось отправить 4-хъ арестованныхъ въ исправительное рижское арестантское отдѣленіе. Сопровождалъ ихъ конвой, въ которомъ находился капитанъ пулеметной роты Павловскій. Арестованныхъ повели не городомъ, а окраинами, ночью.

Капитанъ предложилъ всѣмъ четверымъ покаяться въ покушеніи на ограбленіи конторы „Надежда“. Они отрицали свое участіе. Тогда капитанъ замѣтилъ имъ, что если они не признаются, то онъ ихъ убьетъ, и приказалъ одному изъ нихъ Іоднису подумать.

Черезъ нѣсколько минутъ на вопросъ капитана, рѣшилъ-ли онъ покаяться, тотъ отвѣтилъ, что онъ невиненъ, и ничего не знаетъ. Капитанъ приказалъ солдатамъ разстрѣлять его. Іоднису поставили въ сторону, дали нѣсколько выстрѣловъ по немъ, и убили... Слѣдующій по порядку Бушманъ отвѣтилъ такимъ же незнаніемъ дѣла и невозможностью дать какія-либо показанія.

Ему послѣдовала такая же участь. И послѣ сдѣланнаго выстрѣла онъ замертво упалъ на землю.

Капитанъ Павловскій поднесъ зажженную спичку къ губамъ Бушмана, и увѣрилъ, что казенный не дышетъ,—оставилъ обоихъ лежать на землѣ, а самъ вновь обратился съ предложеніемъ къ двумъ, оставшимся въ живыхъ, не захотятъ-ли они теперь покаяться.

Въ ужасѣ они вскрикнули: Все, все покажемъ! Не убивайте!

И эти двое Андрее и Ревальдъ, чтобы спасти себѣ жизнь, оговорили большинство изъ этого процесса 36.

На добытыхъ указаннымъ способомъ „чистосердечныхъ признаній“ построено обвиненіе большинства изъ 36-ти человекъ.

Приведенное выше извлеченіе изъ письма г. Владимірова является краснорѣчивой иллюстраціей къ тѣмъ заявленіямъ о насиліяхъ, которыя докладываются ежедневно въ Думѣ.

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ

Журналъ политической сатиры, литературы и современной жизни. Выходитъ еженедѣльно въ 16 стр. по самой широкой программѣ, отражая на своихъ страницахъ событія

Освободительнаго движенія Россіи

въ его настоящемъ и прошломъ. Въ каждомъ номерѣ помѣщается 12—25 рисунковъ и портреты БОРЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.

Въ „Застрѣльщикѣ“ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы и художники:

Далай-Норъ (А. В. Вережниковъ), В. А. Верещагина, В. В. Жуковъ (Апулей), В. Князевъ, А. В. Заикинъ, Люди-Земля (псевдонимъ), И. М. Василевскій (Не-Буква), Н. Г. Зубриловъ, А. А. Щегловъ, М. К. Мукаловъ, Вѣра Заикина, Офицеръ (псевдонимъ), В. Юревичъ, В. М. Арнольдъ, Лѣвый (псевдонимъ) Pessimist, Л. Злотниковъ, Л. Л. Бордье, Вл. Ямпольскій, Grillon, Поль Ассатуровъ, Бессарабецъ, О. Барковъ, „Пролетарій“ и др.

Цѣна номера въ Спб. 10 коп. Въ провинціи въ отдѣленіяхъ Конторы по 12 коп. номеръ, въ Сибири—15 коп.

Провинціальныя Отдѣленія Журнала будутъ указаны въ ближайшемъ номерѣ.

Литературный и Художественный матеріалъ направляется въ Редакцію. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ измѣненіямъ. Доставленные безъ обозначенія гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Непринятые рукописи обратно не посылаются.

Контора и редакція: С.-Петербургъ. Дегтярный пер., д. 22, кв. 43.

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ.

ИЗДАНИЕ ВОЗОБНОВИТСЯ СЪ АВГУСТА.

Вышедшіе 5 номеровъ 1, 2 и 3 — 1905 года и 1 и 2 — 1906 г.

высылаются за 2 рубля Конторой „ЗАСТРѢЛЬЩИКА“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ НАРОДА
„КРЕСТЬЯНИНЪ“.

Цѣна 1 руб. на годъ, 50 коп. на полгода, 25 коп. на 3 мѣсяца.

Изданіе общества „Крестьянинъ“: Вильна, Преображенская улица, домъ № 4.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ

ВЪ ЖУРНАЛЪ

„ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ“

по 50 коп. строчка непарели, или мѣсто занимаемое ею. Длина строчки $\frac{1}{2}$ страницы.

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ

ДЛЯ СВОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Бюллетени Русской Жизни.

Не можемъ въ заключеніе не отмѣтить еще одной любопытной подробности. Военный трибуналъ въ Ригѣ выбралъ мѣстомъ для своихъ засѣданій церковь.

Вмѣсто привычнаго въ церквахъ запаха лампаднаго масла, ладана, — говоритъ г. Владиміровъ, — здѣсь пахло невинной человѣческой кровью.

Вмѣсто привычнаго церковнаго пѣснопѣнія, здѣсь слышался звонъ оружія; вмѣсто молящихся здѣсь были казакія лица, ружья, штыки, нагайки.

Жутко стало, видя современную картину безправія, насилія и глумленія надъ личностью, забравшуюся въ святая святыхъ вѣрованія народа.

— Въ казармахъ петерб. полковъ солдаты рѣзко раздѣлились на двѣ партіи, лѣвыхъ и правыхъ: антогонизмъ между ними увеличивается съ каждымъ днемъ, и кличка „черносотенецъ“ начинаетъ считаться позорной. (Курьеръ № 20).

— Среди войскъ Красносельскаго лагеря наблюдается сильное броженіе. Нижніе чины массовки, на которыхъ произносятся рѣчи. (Тамъ же).

Революц. движеніе въ арміи.

— Сейчасъ въ Москвѣ изъ Рязани получены тревожныя извѣстія. Въ ночь на 7-е іюня въ лагеряхъ взбунтовался Волховскій пѣхотный полкъ. По слухамъ солдаты атаковали офицерское собраніе и произвели вооруженное нападеніе. Говорятъ, что одинъ офицеръ убитъ, а нѣсколько ранено. Въ городѣ паника, замѣчается массовое бѣгство евреевъ, которые опасаются погрома. (Призывъ № 100).

Захватъ городской земли революціоннымъ путемъ. Такой грандіозный захватъ городской земли, какой былъ произведенъ въ ночь съ 27 на 28 мая бѣднѣйшимъ населеніемъ города Царицына, иначе и назвать нельзя, какъ аграрнымъ движеніемъ городского населенія.

Захватъ этотъ, родясь отъ глубокой трагедіи современнаго произвола, хищенія и казнокрадства большихъ и сильныхъ, вышелъ настоящей опереткой въ русскомъ стилѣ съ феерической обстановкой.

Раннимъ же утромъ 28 мая, т. е. въ минувшее воскресенье, за одну коротенькую лѣтнюю ночь весь этотъ гигантскій пустырь оказался разбитымъ на правильные улицы и кварталы, кварталы разбиты на правильныя, дворовыя мѣста по 100 кв. саженъ каждое; каждое дворовое мѣсто огорожено деревяннымъ досчатымъ заборомъ, и въ каждомъ дворѣ стоялъ домъ съ топящейся печью. Бабы пекли пироги и ставили самовары, а мужики ходили вокругъ заборовъ съ молоточками и топорами и заканчивали сооруженныя въ эту ночь постройки. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что вѣсть объ этомъ молніей облетѣла весь городъ, на мѣсто происшествія явились полицейскіе чины разныхъ ранговъ.

Когда прошелъ первый столбнякъ представителей порядка и благочинія, и къ нимъ вернулась способность рѣчи и движенія, то они стали производить „о семъ происшествіи“ строжайшее дознаніе. („Рус. Наб.“).

Одна изъ самыхъ консервативныхъ и самыхъ вліятельныхъ англійскихъ газетъ—„Таймсъ“ (Times) пишетъ по поводу Бѣлостокскаго погрома: „нельзя найти достаточно рѣзкихъ словъ и выраженій, чтобы осудить мерзкую, жестокую и безбожную дѣятельность русскаго правительства, занимающагося предумышленными убійствами“.

Даже безстрастная международная биржа отвѣтила пониженіемъ русскихъ бумагъ.

Политическія воззрѣнія петербургскаго гарнизона. Къ члену Государственной Думы А. Е. Тесля, предложившему внести въ отвѣтныя адреса на тронную рѣчь пунктъ о войскахъ и флотѣ, явилась, по словамъ „Голоса“, депутація отъ петербургскаго гарнизона изъ 16-ти человѣкъ, горячо благодарила въ лицѣ Тесля всю Думу за заботы о войскахъ и заявила, что слухи о заговорѣ въ войскахъ противъ Думы совершенно невѣрны. Петербургскія войска превосходно понимаютъ, что только Дума можетъ дать трудовому крестьянству и рабочему люду землю и волю.

Войска не надежны! „XX Вѣкъ“ сообщаетъ: 29 мая въ Царскомъ Селѣ, въ л.-гв. Гусарскомъ полку были волненія. На другой день 30 мая, для подавленія броженія были приняты чрезвычайныя мѣры.

— Въ „XX в.“ телеграфируютъ изъ Одессы о царской милости четверемъ казакамъ восьмого донскаго полка, при-

Бюллетени Русской Жизни.

говореннымъ военнымъ судомъ къ каторжнымъ работамъ за грабежъ на улицѣ, во время октябрьскихъ дней. Наказаніе это Высочайше замѣнено тюремнымъ заключеніемъ на 4 мѣсяца.

— Одни казаки, разобравшись кое какъ въ навязываемой имъ роли палачей народной свободы, отказываются совершать новыя звѣрства, а другіе казаки, не умѣя уяснить себѣ неправоту начальства, повинуются которому они приучены съ измальства, продолжаютъ звѣрски избивать публику на митингахъ и отвѣчаютъ на увѣщанья и укоры, что если не будутъ такъ бить, то ихъ, казаковъ, будутъ самихъ вѣшать и разстрѣливать. („XX вѣкъ“).

— Въ деревнѣ Красниково, за Нарвскою заставою, состоялся у рабочихъ митингъ въ 2.000 человѣкъ, къ несчастью не обошедшійся безъ столкновенья съ казаками. Къ концу митинга рабочіе были окружены казаками, при чемъ 40, въ томъ числѣ 3 барышни, были арестованы и отправлены въ петербургскій участокъ; по дорогѣ несчастныхъ избивали до безчувствія: избиваемые падали на мостовую безъ сознанія. Когда же публика начала умолять казаковъ перестать звѣрствовать и отпустить ихъ плѣнниковъ, то получила оригинальный отвѣтъ отъ нихъ: „нельзя, а то насъ казнятъ“.

— Казаки (90 чел.) отказались усмирять крестьянъ при разгромѣ трехъ хуторовъ имѣнія гр. Шереметьева, Тульской губ., Веневск. у.

Дѣло „Народнаго Вѣстника“. Редакторъ журнала „Народный Вѣстникъ“ г. Звенигородскій былъ привлеченъ къ отвѣтственности главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати по 128 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 6-мъ журнала въ статьѣ: „Итоги выборовъ въ Государственную Думу“ слѣдующей фразы: „Да, на правой сторонѣ остались только плуты; только бубновый тузъ на сторонѣ двуглаваго орла“. Судебная палата, не усматривая въ этихъ выраженіяхъ признаковъ преступленія, дѣло это производствомъ прекратила.

— По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ министерства земледѣлія, земельная собственность въ Россіи, въ настоящее время, распределяется такъ:

Казнѣ принадлежитъ	150.409,977	десят.
Крестьян. обществамъ принадлежитъ	131.372,457	„
Частн. лицамъ принадлежитъ	93.381,170	„
Удѣламъ принадлежитъ	7.367,740	„
Различн. учрежден. принадлежитъ	8.572,622	„

Или: казнѣ 38,5%, крестьян. обществамъ—38,5% частнымъ лицамъ—23,8% удѣламъ—1,9% и различнымъ учреждениямъ—2,2%—всей площади.

Въ одномъ подгороднемъ селѣ возлѣ Курска священникъ Павелъ Діаконовъ въ звоемъ поученіи паствы весьма кратко, но сильно заявилъ, что въ Думѣ—все бозбожники да острожники, а потому ее лучше разогнать. Въ Тимскомъ уѣздѣ „пастырь“ Левъ Булгаковъ сказалъ на эту тему длинную „проповѣдь“.—Братцы!—взывалъ онъ.—До чего мы дожили? Чехристи, острожники, бунтовщики съѣхались въ Петербургъ въ Таврическомъ дворцѣ и безстыдно требуютъ отъ нашего Царя-Батюшки, чтобы онъ отобралъ землю и отдалъ ее прощальгамъ, пьяницамъ, и лѣнтяямъ, которые свою промотали, а теперь ждутъ, не дождутся промотать и чужую; требуютъ освобожденія „смутьяновъ“ и „грабителей“, требуютъ, чтобы не наказывалъ по справедливости смертной казнью убійцъ начальства, „отъ Бога установленнаго“ и т. д. Перечисливъ всѣ „преступныя“ требованія народныхъ избранниковъ, этотъ „истинно русскій пастырь“ такъ закончилъ свое поученіе: „Братцы! Собирайтесь потихоньку, идите, разогнать этихъ гадкихъ бунтарей, и вы исполните долгъ свой передъ церковью и Царемъ. Спѣшите, братцы, иначе конецъ нашъ“.

Объявлять крестовый походъ противъ Государственной Думы отнюдь не считается бунтовщическимъ дѣяніемъ. Прокуроры, съ такимъ жаромъ примѣняющіе ст. 129 ко всякой свободной и честной мысли здѣсь безмолвно слушаютъ и не протестуютъ. „Свыше“ вѣдь приказано. А „свыше“ имѣетъ у насъ огромное значеніе какъ для церкви, такъ и для суда

УРОКИ МУЗЫКИ.

Б. Ученица проф. ЛЮТИША.

75 коп. час.

Адресъ узнать въ редакціи „Застрѣльщика“.

УРОКИ

РИСОВАНІЯ и АКВАРЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

преподаетъ учительница рисованія, также исполняетъ портреты Blanc-Noir и акварель.

Адресъ узнать въ редакціи „Застрѣльщика“.

*Классъ сдѣланы
въ „Типографіи „Энергія“
Невскій р.*

Къ свѣдѣнію

Господъ Торговцевъ „Открытыхъ писемъ“ предлагаются Художествен. Открытыя письма.

Адресовать въ Контору „Застрѣльщика“.

Спб., Дегтярный пер., 22, кв. 43.

съ надписью „Худож. письмо“.

М. К. Мукаловъ

Дѣти улицы

1.

Малолѣтнія проститутки

Текстъ иллюстрированъ типами малолѣтнихъ проститутокъ

Издательство М. К. Мукалова.

С. Петербургъ, Введенскій проспектъ, 19, кв. 11

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

ЦѢНА КНИГИ 50 КОП.

Корректоръ

ищетъ мѣста или занятій.

Дегтярный пер. д. № 1 кв. 12. В. П. С.

Редакторъ М. К. Мукаловъ.

Издательница Л. А. Зайкина.

Редакція: Спб., Дегтярный пер, 22, кв. 43.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный пр. 17.

Разстрѣлъ полицейскихъ агентовъ въ Сокольничьемъ лѣсу 11 мая.

ЗАСТРѢЛЩИКЪ

1906 г.

№ 3.

Цѣна 10 коп.
въ провинціи 12 к.

DK 26 2

.R 9

Rail M...

ЗАСТРѢЛШІКЪ

Волга проснулась.

Волга проснулась, открыла свои голубыя очи—волны, подняла свою могучую грудь—сѣдую пѣну и сбросила съ себя покрывало—сизый туманъ.

Синее небо, увѣнчанное золотымъ солнцемъ, цѣловало голубыя очи—волны.

* * *

Волга проснулась!

Вставали бурлаки. Выходили на просторъ закаленные бурей, выносили силу свою, скованную изъ стали.

Бурлацкой колыбелью была Волга. Вынянчила ихъ буря.

* * *

Волга проснулась!

Изъ гордыхъ скалъ, преданныхъ стражниковъ Волги, поднимались къ небу орлы и прятались отъ нихъ коршуны и черныя вороны.

Волга, доселѣ хоронившая въ своихъ волнахъ бурлацкую силу, проснулась и загрохотала. Изъ ея глубины всплыла бурлацкая сила и развернула свои паруса.

Волга бушевала, рвалась изъ береговъ, по ней мчалась бурлацкая вольница.

Старымъ кораблямъ съ боярами да съ князьями, съ дьяками да приказными бурлаки несли разрушеніе.

Барки, наполненные человѣческими стопами, шли ко дну.

Бурлацкая пѣсня будила темный боръ. Старыя сосны шумѣли и въ ихъ шумѣ слышалось: „Волга проснулась“!

Въ темномъ бору свободно стучали топоры, падали срубленные деревья. Надъ лѣсомъ уже не было хозяина.

Бурлаки строили новые корабли.

Съ косами, съ вилами, съ цѣпами выходили батраки изъ своихъ черныхъ хатъ въ поле, но не косить траву, не грести сѣно, не молотить хлѣбъ...

Злую колдунью—неправду, мачеху—нужду, ненасытнаго змѣя—горыныча, лихо-дѣя чиновнаго, кровопійца батрацкаго, толстосума—кулака собирались православные потопить въ волнахъ Волги—матушки.

Выходили богатыри русскіе на просторъ съ басурманкой-неволей силы свои помѣрять. Выносили они дубовыя посошки, а въ тѣхъ посошкахъ сила таилась небывалая.

Въ темномъ бору батрацкой рукой тѣ посошки были срублены.

Выходилъ старъ и младъ, чтобы одолѣть врага.

Вѣтеръ буйный бѣжалъ по полямъ, по лугамъ, по дубравамъ, встрѣчалъ на своемъ пути прохожихъ и всѣмъ имъ шепталъ: „Волга проснулась“...

Письмо къ матери.

— Матушка! завтра, лишь солнце взойдетъ,
Къ казни меня часовой поведетъ;
Завтра, лишь только зардѣетъ заря,
Братская приметъ могила меня.

— Матушка! смерть вѣдь совсѣмъ не страшна,
Пусть разстрѣляютъ солдаты меня,
Съ свѣтлымъ сознаньемъ въ свою правоту
Храбро я встрѣчу погибель мою.
Я не жалѣю о жизни молодой—
Жалобъ не слышно изъ груди больной.
Матушка, ты обо мнѣ не горюй,
Полю, родная, не плачь, не тоскуй:
Сынъ твой за славу Россіи умретъ,
Жертвой великой идеи падетъ.
Братьямъ, товарищамъ, всѣмъ Расскажи,
Что умираю, письмо покажи,—

Пусть они любятъ отчизну, народъ,
Смѣло стремятся къ свободѣ, впередъ!
Пусть не боятся казенными быть,
Пусть продолжаютъ бороться любить.
Пусть разорвутъ подавляющій гнетъ
Тяжкихъ цѣпей; пусть добьются свободъ.

— Матушка! завтра, лишь солнце взойдетъ,
Къ казни меня часовой поведетъ;
Ты же, родная, не плачь, не томишь,
Въ часъ роковой за меня помолишь.

Вѣра Заикина.

Все обстоитъ благополучно.

(Къ рѣчамъ г.г. Гурко и Стишинскаго по аграрному вопросу).

Шумятъ казаки славные...
Пируютъвоенные..
И люди полнопровные
На встрѣчу имъ спѣшатъ.

Пришли они желанные..
Явились благожданные..
И ихъ доспѣхи бранные
Горятъ, лаская взглядъ.

Становятся дозорами,
Блеснетъ начальство взорами,
Коней разгонять шпорами
И въ мигъ на мужиковъ.

Рука не вдрогнетъ братская,
Нагаечка казакская
Караетъ заливчатская
Голодныхъ вахлаковъ.

Успѣшно усмиреніе,
Подавлено смятеніе,
И слѣду нѣтъ волненія,
Веди хоть хороводъ

И радостно такъ дышется,
И ликования слышатся,
И донесенье пишется:
Спокоенъ молъ народъ!

Спокойствіе безбрежное
Предвидятъ власти нѣжныя,
Довольство безмятежное
Въ душѣ у мужика!

И пѣсня сердца страстная
Тебѣ моя прекрасная,
Всесильная, всевластная
Нагайка казака!..

Не-Бунва

80-ти-лѣтіе казни декабристовъ.

13-го іюня минуло 80 лѣтъ со дня казни декабристовъ.

Небезынтересно привести по этому поводу слѣдующій документъ.

Генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, назначенный для наблюденія за точнымъ исполненіемъ казни надъ декабристами, въ тотъ же день подалъ императору Николаю Павловичу Всеподданнѣйшее донесеніе (журналъ „Былое“).

„Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было немного.

По неопытности нашихъ палачей и неумѣнію устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое: а именно Рыльцевъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству Всеподданнѣйше доношу.

Мудрый Филинъ.

Надъ черной глубокой пропастью мудрый Филинъ свилъ себѣ гнѣздо.

Вершины горъ заслоняли солнце и глубокая пропасть никогда не видѣла свѣта.

Филинъ не любилъ бѣлаго дня. Его оловянные глаза не были приспособлены для свѣта. Черная пропасть, загроможденная вершинами, пріютила его.

Филинъ мыслилъ и творилъ свои мудрыя дѣла во мракѣ.

Боялся Филинъ показываться на свѣтъ Божій. Въ пропасть иногда залетали свободныя птицы и говорили, что за вершинами есть широкія степи, синія моря.

На свободныхъ птицъ охотились пернатые хищники пропасти. Филинъ милостиво улыбался имъ.

До слуха Филина иногда долеталъ плескъ морскихъ волнъ, шумъ степей, но онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

Когда наступала темная ночь и засыпала

земля, къ Филину слетались важныя птицы—ночныя блудницы. Во главѣ съ Филиномъ онѣ держали совѣтъ.

На совѣтѣ важныя птицы—ночныя блудницы говорили о звѣздахъ, о вредныхъ идеяхъ свободныхъ птицъ. Любили онѣ громкія фразы.

Побѣдоносно звучало среди нихъ слово „власть“.

Многаго онѣ никогда не желали: имъ нуженъ былъ только мракъ, вѣчный мракъ пропасти.

Долго ли коротко ли совѣтовались между собой важныя птицы-ночныя блудницы, только однажды ночью, когда всѣ онѣ были у Филина на совѣтѣ, пропасть освѣтилась яркимъ огнемъ и онѣ увидѣли птицу съ огненными крыльями.

Птица остановилась въ воздухѣ надъ пропастью и прокричала:

„Вершины сравняются съ землею и на этомъ мѣстѣ не будетъ пропасти“.

То была вѣщая птица Гамаюнъ...

Далай-Норъ.

— Кто тамъ еще на меня жалуется? — спросила Сто Двадцать Девятая статья у бездушнаго индивида послѣ нѣкоторой передышки.

Индивидъ тихо прошепталъ:

— Тюрьма-съ..

— Что, что ты говоришь?

— Тюрьма-съ,—немного громче повторилъ индивидъ.

— Тюрьма!?!—переспросила Сто Двадцать Девятая статья.

— Она самая.

Сто Двадцать Девятая статья такъ разинула отъ удивленія свою пасть, что если бы бездушный индивидъ хотъ съ какой нибудь стороны походилъ на человѣка, отъ него не осталось бы ни былинки.

— Да что это?—невинно хлопая глазами прошепталъ индивидъ.—Въ передней стоитъ, плачетъ.., къ вашему сіятельству просится.. Мнѣ, говоритъ только два три слова на ушко сказать.

Сто Двадцать Девятая статья кипятилась.

— Нѣтъ, какова бестія! Я ей пишу даю — получай чего только твоей душѣ угодно. Соусы разные для нея придумываю, а она плачетъ... Ну, и времячко! Тюрьма и та жаловаться вздумала! А на какомъ такомъ основаніи? Хорошо, я съ ней поговорю. Пусть войдетъ!..—закончила Сто Двадцать Девятая статья.

Темная, сырая, вонючая, вѣчно страдающая жандармскимъ насморкомъ тюрьма стояла передъ Сто Двадцать Девятою статьей и плакала.

— Кормилица моя, пощади—сбавь порцію, а то нѣтъ моей моченьки! Распухла отъ полноты, того и гляди кондрашка хватить!

— Эхъ, матушка, ты вѣрно своей утробы не знаешь!—перебила ее Сто Двадцать Девятая статья: ежели тебя хорошенько потрясти, такъ ты еще цѣлое поколѣніе слопать способна.

— Не смогу! Лопну, ей-ей лопну! Чувствую я это — изучила я свою комплекцію! Ежели еще маленечко—тутъ мнѣ и крышка.

Но тюрьма не успокаивалась.

— Твоя надо мною воля, а только я говорю то, что чувствую: развезло меня послѣ первой амнистіи. И со мною можетъ случиться тотъ же грѣхъ, который постигъ нѣкую даму: было это въ другой землѣ, не мало тому назадъ лѣтъ. Звали эту даму Бастилія (отчества не припомню). Тамъ вотъ она до того дошла въ своемъ аппетитѣ, что въ одинъ роковой день Богу душу отдала...

Гражданинъ.

Вы жертвою пали...

Пускай насъ терзають, пытаются, казнятъ,
Страны истомленной тираны;
Пускай насъ по тюрьмамъ и ссылкамъ томятъ,
Пусть ноютъ кровавыя раны.
Пускай же во имя желанныхъ свободъ
Падутъ наши храбрые братья
Съ сознаньемъ, что дивное время придетъ,
Когда прекратятся проклятья.
Съ сознаньемъ, что деспотамъ алчнымъ страны
Идею убить не придется,
Пускай же погибнемъ мы жертвой борьбы,—
Вѣдь даромъ ни что не дается.

Идея безсмертна, не властны надъ ней
Нагайка, тюрьма и насилъе,—
Она оправдается, въ блескѣ лучей,
Расправивъ могучія крылья.
Ни казней, ни тюремъ, ни горя, ни лжи,
Не будетъ въ странѣ обновленной,
Настанутъ години труда и любви
И вспрянетъ народъ вдохновленный..
Намъ пытки не страшны, насъ смерть не
страшитъ,

Мы къ бою готовимся смѣло,
Мы будемъ какъ прежде всѣмъ сердцемъ любить
Святое и правое дѣло.

Grillon.

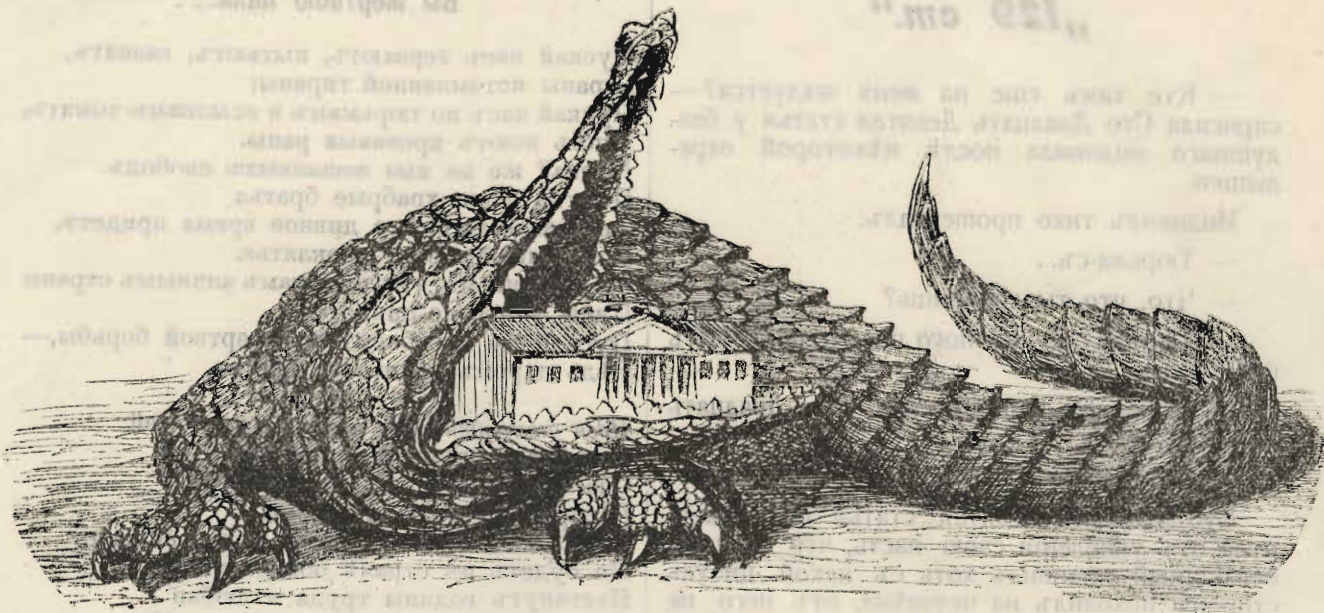
* *

Вчера не могъ заснуть я до разсвѣта;
Случайно — найденная, старая газета
Навѣяла воспоминаній рой
О дняхъ былого...

Предо мной
Виднѣлись площади, покрытыя толпою,
И звучный, гордый гимнъ торжественно звучалъ,
И рѣчи смѣлыя лились рѣкою,
И солнца лучъ сіялъ..
Я вспомнилъ дни московскаго возстанья,
И смерть борцовъ на гребняхъ баррикадъ,
И палачей, не знавшихъ состраданья,
И висѣлицъ позорныхъ рядъ!..
Я вспомнилъ все...

И до разсвѣта
Лежала предо мной газета!..

Кучинскій.

Новь.

Отрывокъ изъ неоконченной поэмы.

Предлагаемая поэма неизвѣстнаго автора написана въ 80-тыхъ годахъ и не была нигдѣ набѣчана благодаря цензурнымъ условіямъ. — Извѣстна немногимъ по рукописи.

Редакція.

Утро. Ночи тѣмъ рѣдѣть,
День чуть брезжитъ сталъ,
Возвратившись поздно, пьяный,
Дремлетъ генералъ.
Вотъ сквозь сонъ онъ ясно слышитъ,
Отворилась дверь,
И къ нему Малюта входитъ—
Самъ Малюта—звѣрь;
Къ ложу пышному подходитъ
Твердою стопой,
И съ Малюты глазъ несводитъ
Генералъ сѣдой...
— „Гость нежданный - что татаринъ!
„Радъ ты, иль не радъ,
„Принимай меня: не даромъ
„Я покинулъ адъ“
— „Чѣмъ могу служить Малютѣ?“
Генералъ сказалъ,
И красивымъ жестомъ, молча,
Кресло указалъ...
Сѣли.— „Слушай-ка, кормилецъ,
Я въ аду слышалъ,
Что душить крामолу грозно
Ты въ Россіи сталъ?“
— „Да служу моей отчизнѣ
„Я по мѣрѣ силъ,
„И косою закона плевелъ
„Много покосилъ!“
— „Ну, такъ я къ тебѣ съ поклономъ,
„Другъ, не откажи!
„Разожги ты кровь мнѣ въ жилахъ,
„Пытку покажи!
„Всюду—новъ; чай, тоже въ пыткахъ
„Новый обиходъ?“
— „Покажу, изволь, хоть тотчасъ
„Двинемся въ походъ!“

Видитъ дальше, что съ Малютой
Онъ въ тюрьму идетъ.
О быломъ съ нимъ гость дорогой
Рѣчь свою ведетъ:
— „При Царѣ, Иванѣ Грозномъ,
„Лихо я пыталъ;
„Много пролилъ крови, мяса
„Много растерзалъ!
„Понатѣшилъ душу вдосталь
„Если жъ вспоминать—
„И такихъ видалъ что, пыткой
„Даже не пронять.
„Помню я: одинъ бояринъ
„Приведенъ былъ... Что жъ?“

„Ни словечка - какъ глубоко
„Не вонзали ножъ!..
„Изъ спины кроили сразу
„Два ремня—молчать,
„А изъ раны кровь струю
„Алая бѣжитъ...
„Припекать желѣзомъ стали.
„Думали, пройметъ!
„Все молчитъ и лишь молитвы
„Тихо къ небу шлетъ!
„Поднялъ я его на дыбу,
„Ногти вырывалъ,
„Кипяткомъ и льдомъ и кошкой
„Всѣмъ его пыталъ—
„Такъ и бросилъ, не добился,
„Онъ не засталъ...
„Черезъ часъ его въ синодикъ
„Грозный записалъ...“

„А то разъ попалъ въ застѣнокъ
„Соколъ молодой.
„Былъ станичникъ онъ удалый,
„Грбилъ подъ Москвой,
„И богатому проѣзду
„Парень не давалъ.
„Бѣдняковъ не трогалъ пальцемъ.
„Самъ имъ помогалъ..
„Привели его на пытку...
„Рослый удалецъ!..
„Ну, скажи-ка, съ кѣмъ ты грабилъ
„Добрый молодецъ?“
— „Я тутъ весь передъ тобою,
„Ты во мнѣ воленъ,
„Но предать... скорѣй языкъ свой
„Вывру скорнемъ вонъ!“
— „Я ему смолой на спину
„Капать приказалъ,
„Онъ, какъ пень стоитъ и терпѣть,
„Даже не стоналъ;
„И не морщился, какъ будто,
„И смола не жгетъ!..
— „Не томи меня признайся!—
„Онъ свое поетъ!..
„Началъ крючьями я тѣло
„Бѣло терзати:
„Всадишь крюкъ—и дрогнетъ тѣло,
„Выврешь—дрождь опять...
„И на свѣжія я раны
„Солью посыпалъ,
„И спиртами, да настоемъ
„Всласть ихъ поливалъ.“

„Самъ зашелъ впередъ и въ очи
„Молодцу гляжу:
— „Слышишь, парень, ей признайся
„Скажешь?“— „Не скажу!“—
„И треща, ломались кости,
„И хрустѣла грудь...
„Длилъ неистиво я пытку,
„Не давалъ вздохнуть...
„Вдругъ глаза перекосило,
„Крикъ протяжный... вздохъ...
„И товарищей, не выдавъ,
„Негодяй издохъ!..“

— „То-то вотъ, вы торопились,
„Какъ бы поскорѣй!
„Зря терзали только тѣло,
„Мучили людей!..
„А, вѣдь, въ тѣлѣ-образъ Божій
„И терзати грѣши!
„Вотъ душа! Она безъ формы,
„Душу—ничего!..
„И для дѣла-то полезнѣй—
„Ты увидишь—самъ!..
„Вотъ сюда теперь къ подѣзду
„Путь, Скуратовъ намъ!“

Вотъ широкимъ корридоромъ
Направляютъ путь.
— „Намъ куда сначала, къ бабамъ,
„Что ли завернуть?
„Ишь глаза то засверкали!..
„Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ!..
„Чѣмъ потѣшитъ дорогого
„Гостя мы найдемъ!“
Самъ надъ шуткой захихикалъ
Мрачный балагуръ
И игриво въ бокъ Малюту
Локтемъ онъ толкнулъ
И вошли... Малюта ахнулъ—
Камеръ безъ числа!..
— „Нынче очень урожайка
„Много принесла!
„Въ каждой камерѣ стекольце
„Вдѣлано въ двери,
„Коли любю, забавляйся,
„Сколько хошь смотри!
„Ну, вотъ эта: больше года
„Здѣсь ужъ прожила,
„На допросахъ насъ сердила,
„Черезъ чуръ смѣла...
„Письмецо съ условнымъ шифромъ

„У нея нашли:
 „Ну, дѣвицу тотчасъ взяли,
 „Въ крѣпость привезли...
 — „Вамъ извѣстенъ шифръ?“ — „Конечно!“
 „Какъ же ей не знать!“
 „Не угодно ли намъ способъ
 „Этотъ указать?“
 — „Не затѣмъ, чтобъ вамъ открылся.
 „Довѣрялись мнѣ!“
 — „Ну, такъ вамъ придется долго
 „Просидѣть въ тюрьмѣ!“
 „Вы меня не испугали
 „Знаю это я!“
 „И сидить... а жаль семейство —
 „Честная семья!“

Глазъ приставивши, Малюта
 На нее глядѣлъ,
 Генералъ въ стекло небрежно
 Тоже посмотрѣлъ...
 — „Ничего не измѣнилась:
 „Тотъ же самый взглядъ,
 „Тѣ же волосы густые
 „По плечамъ лежать.
 „Мы не давно только книжки
 „Дали ей читать.
 „Стала будто веселѣе:
 „Надо отобрать!..
 „Эка злоба! И ничѣмъ ей
 „Душу не проймешь!..
 „Ну сидѣть тебѣ, покуда
 „Въ землю отойдешь!..
 „Черезъ номеръ тутъ дѣвчонка,
 „Ей семнадцать лѣтъ...
 „На допросахъ: „все забыла!“ —
 „Весь ея отвѣтъ.
 „Года три, какъ ихъ забрали
 „Мать и дочерей:
 „Бунтовать тамъ, въ сельской школѣ,
 „Вадумали людей!..
 „Эта сильно измѣнилась —
 „Знать душа болитъ!..
 „Посмотри: ребенокъ съ виду,
 „А въ ней бѣсъ сидитъ!“
 И Скуратовъ съ генераломъ
 Приложили глазъ.
 Было въ камерѣ темненько,
 Слабо пушенъ газъ...
 У стѣны стоялъ ребенокъ
 Глухо онъ рыдалъ...
 Вдругъ рыданья прекратились,
 Онъ захохоталъ...
 Дико хохотъ раздавался,
 Оглашая сводъ.
 Генералъ шепталъ: — „Прекрасно!
 „Хорошо идетъ!
 „Вотъ теперь мы на допросы
 „Вызовемъ тебя...
 „Запоешь ты, какъ намъ надо,
 „Нынче у меня!“
 Хохотъ кашлемъ замѣнился
 Плонула въ платокъ,

На платкѣ образовался
 Розовый кружокъ...
 И махнула безнадежно
 Слабою рукой...
 „Все равно, она шептала,
 „Путь поконченъ мой!
 „Все равно! А близко воля,
 „Тутъ вѣдь за стѣной!
 И къ стѣнѣ она припала
 Русой головой...
 Вдругъ улыбкой озарилась
 Блѣдныя черты,
 Радость, волю ей рисуютъ
 Дерзкія мечты...
 Но вѣдь радости ревниво
 Гонитъ прочь тюрьма.
 И вотъ образы иные
 Видитъ въявь она...
 Вотъ въ ея глубокихъ, глазкахъ
 Отразился страхъ:
 Мать предъ нею, какъ живая,
 Руки въ кандалахъ...
 „Мама милая!“... И разомъ
 Ринулася къ ней...
 Силъ ужъ нѣту и упала
 Съ крикомъ у дверей...

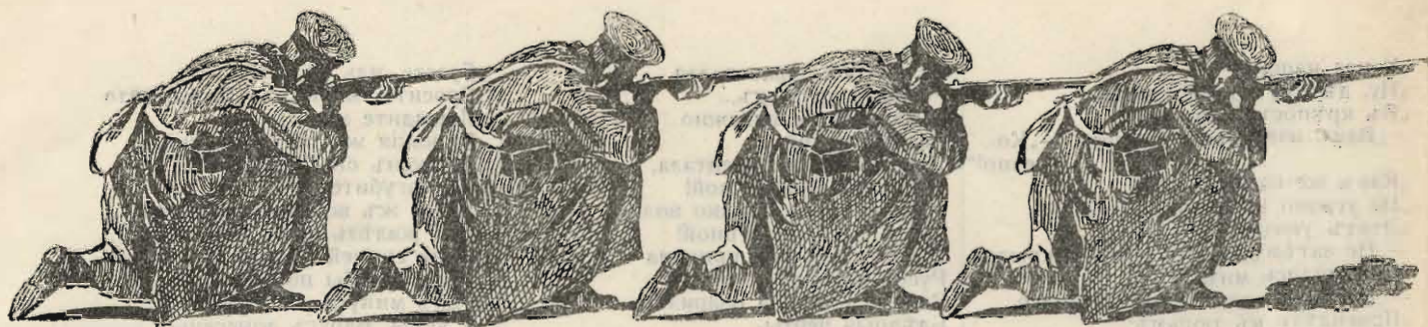
— „У тебя бѣжитъ, Скуратовъ,
 „По лицу слеза?!
 „Полно, полно ободрился
 „И утри глаза!..
 „Встарь ты не былъ такъ изнѣженъ
 „Мучилъ заурядъ!“
 — „Нѣтъ, клянусь тебѣ, я въ жизни
 „Не пыталъ ребятъ!“... —
 — „Ну, да мы, Малюта, разомъ
 „Духъ развеселимъ:
 „Диво-дивное покажемъ —
 „Здѣсь вотъ поглядимъ!..
 — „Видишь, женщина красивѣй
 „Рѣдко встрѣтишь ты!
 „Смѣлый взглядъ какъ, у орлицы,
 „Гордые черты...
 „Выступаетъ величаво,
 „Ростомъ, всѣмъ взяла,
 „Проживать бы въ свѣтѣ павой,
 „Нѣтъ, въ народъ пошла.
 „Съ мѣсяцъ здѣсь, какъ опросталась,
 „Дочку родила,
 „Мы ребенка отобрали,
 „Долго зла была!
 „Неприступна, какъ тигрица,
 „Все швыряетъ, рветъ...
 „Ночь настанетъ, такъ со злобы
 „До утра реветъ!
 „Чрезъ недѣлю, словно, сняло
 „Зло съ нея рукой,
 „Вызываетъ прокурора.
 „Тотъ пришелъ со мной...
 — Возвратите мнѣ ребенка!“ —
 „Прокуроръ въ отвѣтъ:
 — „Въ показаньяхъ откровеннѣй

„Будете, иль нѣтъ?“
 „Просить, молить: — „Пожалѣйте
 „Пошадите мать!..
 „За какія жъ преступленья
 „Долженъ онъ страдать?
 „Вы загубите ребенка!“
 — „Что жъ возиться съ нимъ,
 „Гдѣ жалѣть намъ поросенка,
 „Коль свиней палимъ?“
 „Обмерла. Мы постояли
 „Такъ минутъ съ пятокъ
 „У ушли. Вдругъ донесенье
 „Мнѣ подъ вечерокъ:
 „Честь имѣю... и такъ дальше
 „Этого числа
 „Безъ причины арестантка
 „Вдругъ съ ума сошла!
 — Посмотри, качаетъ тряпки
 На своихъ рукахъ,
 „Взоръ блуждающій, безъ смысла,
 „И лицо въ слезахъ!
 „Вотъ она засуетилась
 „Точить скорбь ее...
 „Ищетъ, ищетъ, перерыла
 „На рукахъ тряпье...
 „Не нашла!“ И крикъ раздался,
 „Страшный, скорбный крикъ...
 Надъ несчастной издѣвался
 Генералъ старикъ:
 — „Не нашла?.. Ну, постарайся!
 „Это не бѣда!
 „Завалился? Что же нѣту?
 „Нѣту и слѣда?
 „Охъ, несчастная, какъ жалко —
 „Видно не найдешь!..
 „Вдругъ страдальца поднялась
 И къ окну идетъ,
 „Словно что-то противъ воли
 Бѣдную влечетъ.
 Вотъ рукой она взмахнула —
 Въ дребезги стекло,
 И осколкомъ рѣжетъ шею...
 Кровяной фонтанъ
 Брызнулъ на стѣну и стройный
 Покачнулся станъ...
 На колѣна опустилась,
 Оперлась рукой
 И безжизненно упала
 На полъ головой.

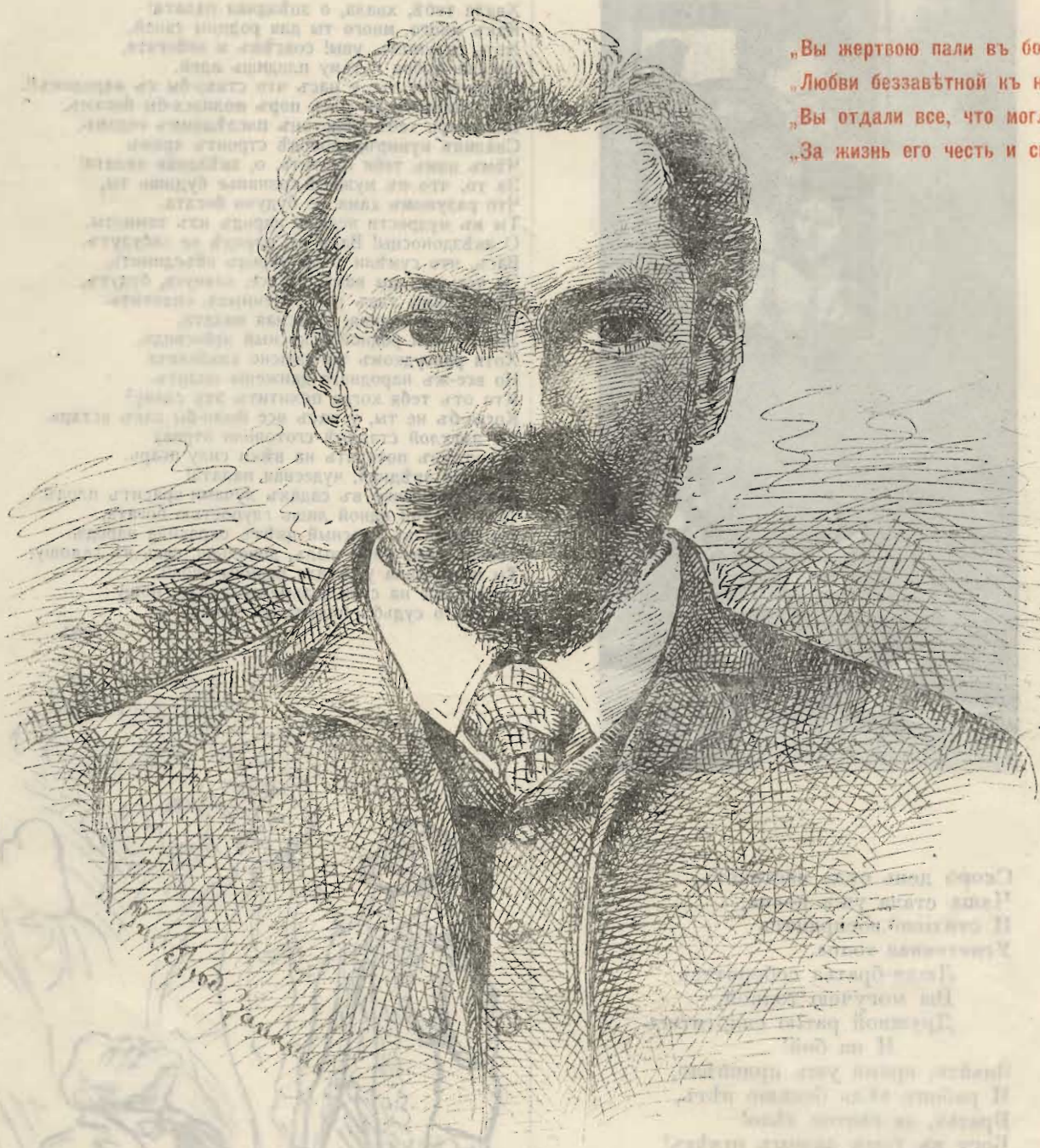
Видя это самъ Малюта
 Словно задрожалъ,
 Не смутился лишь привычный
 Къ дѣлу генералъ —
 И спросилъ онъ гостя: „Нашу
 „Какъ вы „новъ“ нашли?
 „Вы ли насъ хитрѣе были
 „Мы ль впередъ ушли?
 — „Побѣдили вы!“ Малютинъ
 „Былъ на это сказъ,
 „Мы спроста бывали люты,
 „Вы эхиднѣй насъ!!“... —

Отъ Редакціи.

Въ виду наложенія ареста на наши клише и наборъ въ типографіи,
 настоящій номеръ запаздалъ выходомъ.

Въ ожиданіи амнистіи.

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой,
„Любви беззавѣтной къ народу,
„Вы отдали все, что могли за него,
„За жизнь его честь и свободу“....

Кн. С. Н. Трубецкой

6 июня исполнился годъ съ того историческаго дня, когда Князь С. Н. Трубецкой выступилъ предъ царемъ со своей знаменитой рѣчью. Каждое слово перваго ходатая и славнаго печальника земли русской было искренно и мощно и съ этого момента имя Трубецкого принадлежало уже всей Россіи.

Вспомнимъ прекрасное стихотвореніе Студента Луцкаго, прочитанное надъ гробомъ усопшаго Князя 30 Сентября 1905 года.

„Не умеръ ты, борецъ свободы,
Учитель нашъ, властитель думъ:
На бой зовутъ насъ въ дни невзгоды
Твоя душа, твой яркій умъ!
Ты насъ зажегъ могучимъ словомъ
Къ борьбѣ на смерть благословилъ!
Надежду въ насъ о строи новомъ,
О лучшей жизни пробудилъ!
Ты какъ къ пустынь огонь небесный

Израилю путь освѣщаль
Огнемъ рѣчей въ путь смѣлый, честный
Идти къ прогрессу завѣщаль!
Не умеръ ты! Съ душой народа
Твоя душа слилась съ тоской,
Въ гробу лишь прахъ... надъ нимъ

Свобода

Намъ заблеститъ князь Трубецкой!“

Скоро день суда настанетъ,
Чаша стала ужъ полна,
И стихіею воспринетъ
Угнетенная толпа.

Люди-братья соберитесь
Вы могучею толпой,
Дружной ратию сплотитесь
И на бой!

Знайте, время ужъ приспѣло,
И рабовъ вѣдь больше нѣтъ,
Братья, за святое дѣло!
Богу въ томъ дадимъ отвѣтъ!

Люди-братья... и т. д.
У нихъ деньги, они сыты,
Къ намъ полипы они враждой,
Въ насъ мечтанья не забыты,
О свободѣ золотой.

Люди-братья... и т. д.
Нѣту словъ, погибнетъ много
Насъ идейныхъ, молодыхъ,
Но къ свободѣ то дорога,
Пусть свобода для другихъ.

Люди-братья... и т. д.
Не забудутъ поколѣнья,
Будемъ жить въ сердцахъ людей,
А великое отмщеніе
Не минуетъ палачей.

Люди-братья соберитесь
Вы могучею толпой,
Дружной ратию сплотитесь
И на бой!

Людмила.

„Звѣздная палата“.

Хвала тебѣ, хвала, о звѣздная палата!
Какъ много, много ты для родины своей,
Хоть разумомъ, увѣ! совсѣмъ и небогата,
Несешь добра и тьму плодишь идей.
Когда-бъ не ты, у насъ что стало-бы съ народомъ?!!
Онъ старымъ до сихъ поръ молился-бы богамъ,
Благодаря тебѣ вѣдь онъ послѣднимъ годомъ,
Сваливъ кумирь, свободѣ строить храмъ.
Чѣмъ намъ тебя почитать, о, звѣздная палата!
За то, что въ мужикѣ сознанье будишь ты,
Что разумомъ сама не будучи богата,
Ты къ мудрости ведешь народъ изъ темноты.
О звѣздоносцы! Васъ въ народѣ не забудутъ,
Васъ, что сумѣли такъ народъ объединить,
За все награды вамъ, за все, клянуся, будутъ,
Сумѣвшимъ такъ разрозненныхъ сплотить.
О, наша звѣздная, чудесная палата,
Земли моей родной искусный небосводъ,
Хотя разсудкомъ ты ужасно слабовата
Но все-жъ народнаго движенія оплотъ.
Кто отъ тебя когда похититъ эту славу?
Когда-бъ не ты, у насъ все было-бы какъ встарь.
Ты затхлой старинѣ сготовила отраву
И долженъ потерять на вѣки силу псарь.
О, наша звѣздная, чудесная палата!
Какъ солнышко въ садахъ лучами красить плодъ,
Такъ будучи одной лишь глупостью богата,
Ты бѣлый въ красный цвѣтъ окрасила народъ.
Теперь уйми свой пылъ, довольно, сядь въ галошу,
Ты послужила ужъ для родины своей,
Теперь мы на себя возьмемъ святую ношу
И сами о судьбѣ подумаемъ твоей.

Узникъ.

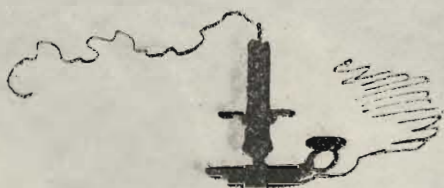

Единственные почитатели бюрократіи.

Сонъ.

Мнѣ снился страшный сонъ:
Туманный день въ столицѣ,
И небо сѣрое и погребальный звонъ,
И чьи то блѣдныя заплаканныя лица...
Шелъ крупный дождь, кого то хоронили,
Мерцали факелы, качался катафалкъ,
Цвѣтами свѣжими сосновый гробъ увили,
Вдали чернѣлъ кладбища мрачный паркъ.
По лѣвой сторонѣ процессіи печальной
Народа двигалась несмѣтная толпа,
Вотъ кто то затянулъ не смѣло гимнъ прощальный,
И дружно подхватили эхо голоса...
— „Кого хороните?“ — „А развѣ ты не знаешь —
Свобода умерла“ мнѣ кто то отвѣчалъ,
„Тутъ, сколько не крѣпись, невольно зарыдаешь,
Вѣдь безъ нея народъ вновь сиротою сталъ:
Да вотъ торопятся, боятся, что проснется,
Смотри какъ погоняютъ бѣдныхъ лошадей,
Конечно безъ нея вновь произволъ начнется
Насильникамъ опять задышится вольней“.
Взглянулъ на право я, тамъ, торопясь, толкаясь,
Шло нѣсколько одѣтыхъ въ черное людей,
Злорадно хохоча и нагло улыбаясь,
Свободу схоронить хотѣли поскорѣй,
Вдругъ оборвался гимнъ, раздался крикъ народа,
Свалилась гробовая мрачная доска,
И тихо поднялась воскресшая Свобода
И голосъ прозвучалъ: „Оставьте я жива!“
„Оставьте я жива!“ и руки простирая
Къ народу лѣвому приблизилась она,
Свобода свѣтлая, прекрасная, святая,
Въ сияньи лучезарномъ правды и добра.
А люди черные со страхомъ убѣжали,
И ужасъ исказилъ ихъ мрачныя черты,
Одежду на себѣ со злобой разорвали
И проклинали свои безумныя мечты.
Народъ же радостный, душистыми цвѣтами,
Широкий свѣтлый путь съ любовью устлалъ,
И возрожденья гимнъ прекрасными словами
Свободы воскресенье чудно увѣнчалъ.

Вѣра Зайкина.

Возждю камарилли.

(Къ розыскамъ „таинственной руки“ предводителя „звѣздной палаты“).

Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихотливый
Капризенъ какъ дитя, неуловимъ какъ дымъ
Царить режимъ — въ тревогѣ суетливой —
Великій грѣхъ смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣшнымъ.

Какой нестройный гулъ и какъ пестра картина!
Здѣсь обѣщаній рядъ, а затѣмъ ударъ но-
жемъ...

Здѣсь нагло прозвучалъ бубенчикъ арлекина
А тамъ въ тюрьмѣ пророкъ, истерзанный кну-
томъ.

Кровавый мракъ. Ни стонъ ни молитвы...
Звучитъ мятежный крикъ голодной нищеты,
Вездѣ кишитъ разгаръ кровопролитной битвы,
Растоптаны душистые цвѣты...

Давно-ль режимъ нашъ былъ — герой гордящійся собою,
Сегодня онъ палачъ, подавленный стыдомъ,
Вчера титанъ, стоявшій надъ толпою

Теперь онъ блѣдный трусъ, укрывшійся съ трудомъ.

Но главный гдѣ-жъ палачъ? Таинственно мгнове-
венье

И нѣтъ среди людей такого мудреца,
Кто могъ бы сказать толпѣ, куда его движенье,
Кто могъ бы изловить черты его лица?..

Кто ужасовъ герой? Безмолствуетъ охранка...
Ужель вновь кровь и смерть и вновь позоръ
и тьма?

Малюта онъ иль пьяная вакханка?
Что будетъ впереди: свобода иль тюрьма?
Не — Бунва.

...Въ Новомъ Петергофѣ находится въ настоящее время д-ръ Папюсъ, извѣстный за границей спи-
ритъ и авторъ нѣсколькихъ книгъ о способахъ сно-
шенія съ загробнымъ міромъ. Чаще всего д-ръ Па-
пюсъ видится съ дворцовымъ комендантомъ Д. Ф.
Треповымъ. (изъ газетъ).

„Наша Жизнь“ сообщаетъ любопытныя данныя
о пребываніи спирита Папюса въ Петергофѣ. Ока-
зывается, что онъ живетъ въ покояхъ ген. Трепова.
Онъ окруженъ такими условіями, что его называютъ
арестованнымъ. И дѣйствительно, онъ лишенъ даже
возможности вступать съ кѣмъ бы то ни было въ
разговоры; тщательно охраняющая его стража изъ
„надежныхъ“ людей подобрана такая, что никто изъ
его хранителей не говоритъ ни на какомъ иномъ
языкѣ, кромѣ русскаго. Папюсъ же не говоритъ по
русски ни слова. Несмотря на это, для наблюденія
за стражей приставлены специально рекомендованные
департаментомъ полиціи агенты. Вся переписка Па-
пюса проходитъ черезъ „опытныхъ“ руки.

Брѣхъ.

Грѣхъ.

Въ мраморныхъ палатахъ съ хрустальными стеклами родилась малютка—зло помазало ее на грѣхъ.

Малютка росла. Зло ни на минуту не отходило отъ ея колыбели. Зло воплощало свою душу во все, что окружало малютку.

Надъ ея колыбелью на золотыхъ шнуркахъ висѣли драгоценныя игрушки. Опыняющий аромат духовъ наполнялъ комнату, гдѣ росла малютка. Когда она выросла и обозначилась въ прекрасныхъ формахъ женщины, зло повѣнчало ее съ грѣхомъ. Грѣхъ опоясалъ ее гибкій станъ и впустилъ змѣиный ядъ въ ея сердце.

Грѣхъ зажегъ глаза женщины огнемъ страсти. Женщина и Грѣхъ стали недѣлимымъ существомъ, Женщина-Грѣхъ улыбалась ядомъ.

Устилая свой путь золотыми раковинами, къ ней ползли рабы страсти. Человѣческими стонами они покупали ея улыбку.

Тамъ, за городомъ, гдѣ несмѣтное число фабричныхъ трубъ выбрасываетъ въ пространство море ѣдкаго чернаго дыма, сотни тысячъ человѣческихъ жизней задыхаются отъ углекислоты. Всѣхъ ихъ закрѣпостили рабы страсти для того, чтобы у женщины-грѣха вызвать улыбку драгоценными подарками.

Женщина-грѣхъ захохотала.

Она сбросила со своихъ плечъ воздушный газъ.

Рабы цѣловали шелковый газъ женщины-грѣха.

Они упивались ароматами ея страсти.

А тамъ, внизу стонали.

Въ сыромъ затхломъ гробу подвала миллионы людей проклинали часть, въ который ихъ родила мать.

Женщина-грѣхъ не слышала созданныхъ ею стонѣвъ—она хохотала...

Гражданинъ.

Бюллетени Русской Жизни.

Ген. Рененкампфъ на обѣдѣ, данномъ въ его честь 45 офицерами, въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчь ген. Гурко заявилъ: „Я счастливъ что на мою долю выпала обязанность готовить къ войнѣ войска на передовыхъ позиціяхъ Дальняго Востока, такъ какъ во мнѣ живетъ непоколебимая увѣренность въ томъ, что недалекъ моментъ реванша, который возьметъ по праву великая Россія“.

Если вспомнить всѣ пораженія наши на Д. Востока, то такому счастью позавидовать трудно.

Резолюція, принятая Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ по поводу погромовъ въ Бѣлостокѣ.

Въ засѣданіи 22 іюня (н. с.) сенатъ великой эатлантической республики принялъ слѣдующую резолюцію:

„Народъ Соединенныхъ Штатовъ возмущенъ извѣстіями объ избиеніяхъ евреевъ въ Россіи, сомершенныхъ по расовымъ и религіознымъ мотивамъ и выражаетъ чувства своей сердечной симпатіи семействамъ погибшихъ“.

Инцидентъ въ преображенскомъ полку.

14-го іюня, въ 6 час. утра 1-й батальонъ этого полка, во главѣ съ командиромъ его, кн. Трубецкимъ, и всѣми офицерами отправленъ изъ Краснаго Села въ село Медвѣдь, Новгородской губерніи, гдѣ еще такъ недавно содержались японскіе плѣнные. „На всякій случай“ батальонъ сопровождается ротою л.-гв. финляндскаго полка, которая вынуждена будетъ остаться также нѣкоторое время въ селѣ Медвѣдь.

До сихъ поръ не опубликованъ прочитанный нижнимъ чиномъ приказъ о томъ, что о дѣйствіяхъ офицеровъ и командира 1-го батальона возбуждается дѣло. Для производства слѣдствія назначены ген. Томашевичъ, военный судья петербургскаго военно-окружнаго суда, и помощникъ военнаго прокурора, подполковникъ Голубевъ.

Гвардейскія части отнеслись неодобрительно къ поступку 1-го батальона преображенскаго полка, и онъ уходилъ вчера изъ лагеря при гробовомъ молчаніи.

Какъ мы слышали, у преображенцевъ была мысль дать ночью сигнальный выстрѣлъ изъ пушки, чтобы этой тревогой вызвать начальство для объясненій. Объ этомъ замыслѣ во время узнали и предупредили его.

На митингъ, который предшествовалъ исторіи съ преображенцами, были не только чины этого полка, но и другихъ воинскихъ частей; всего собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Дальнѣйшая судьба 1-го батальона зависитъ отъ результатовъ слѣдствія. Возможно, что офицеры будутъ переведены въ другія части, и весь батальонъ раскисированъ.

Петиція нижними чинами преображенскаго полка была подана при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

10-го іюня, въ 9 часовъ вечера, когда горнистъ сыгралъ походъ на молитву и солдаты выстроились передъ казармами на полковой улицѣ, пріѣхалъ инспекторъ 1-ой гвардейской дивизіи генералъ Озеровъ. Одновременно съ нимъ прибыла изъ Краснаго села часть л.-гв. уланскаго полка и оцѣнила полковую улицу.

Послѣ того, какъ генералъ поздоровался съ солдатами, изъ рядовъ выступили унтеръ-офицеръ и писарь 1-го батальона, которые и подали петицію. Она начиналась такъ: „Товарищу преображенцевъ, его превосходительству инспектору 1-ой гвардейской дивизіи, генералу Озерову и т. д.“.

Состояла петиція изъ 18 пунктовъ. Генералъ Озеровъ приказалъ арестовать унтеръ-офицера и писаря, которые и были препровождены на гаупфакху, а остальнымъ солдатамъ было приказано расходиться по казармамъ. Оружіе изъ казармъ было вынесено и на полковой улицѣ расположился бивуакомъ уланскій полкъ. Къ ночи слѣшно были вызваны слѣдующіе полки: гренадерскій, драгунскій, семеновскій, стрѣлковый, измайловскій, 1-ая артиллерійская бригада и пулеметы. Утромъ на другой день преображенцевъ отправили обратно въ Красное село, дабы они тамъ могли свободно вести пропаганду среди остальныхъ полковъ.

Результатъ пока такой: 290 рядовыхъ и 6 офицеровъ арестованы. Первый батальонъ предполагается перевести въ село Медвѣдь, новгородской губ.

(„XX в.“).

Открыта подписка
на журналъ

съ 1 Іюня по 31 Декабря 1906 г.

4 руб. съ пересылкой и доставкой 4 руб.

— Журналъ выходитъ еженедѣльно. —

Контора и редація: С.-Петербургъ, Дегтярный пер., д. № 22, кв. 43.

Прѣбный № за двѣ 7-ми коп. марки.

Подписчикамъ высылаются всѣ вышедшія номера начиная съ перваго №.
Первый номеръ вышелъ вторымъ изданіемъ

Застрѣльщикъ

ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ

Журналъ политической сатиры, литературы и современной жизни.

Выходитъ еженедѣльно въ 16 стр. по самой широкой программѣ, отражая на своихъ страницахъ событія

Освободительнаго движенія Россіи

въ его настоящемъ и прошломъ. Въ каждомъ номерѣ помѣщается 12—25 рисунковъ и портреты **БОРЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.**

Въ „Застрѣльщикѣ“ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы и художники:

Далай-Норъ (А. В. Верещинковъ), В. А. Верещагина, В. В. Жуковъ (Апулей), В. Князьевъ, А. В. Заикинъ, Люди-Земля (псевдонимъ), И. М. Василевскій (Не-Буква), Н. Г. Зубриловъ, А. А. Щегловъ, М. К. Мукаловъ, Вѣра Заикина, Офицеръ (псевдонимъ), В. Юревичъ, В. М. Арнольдъ, Лѣвый (псевдонимъ) Pessimist, Л. Злотниковъ, Л. Л. Бордье, Вл. Житинскій, Grillon, Поль Ассатуровъ, Бессарабевъ, „Пролетарій“ I. Ридегеръ Е. Е. Гарнакъ и др.

Цѣна номера въ Спб. **10** коп. Въ провинціи въ отдѣленіяхъ Конторы по 12 коп. номеръ, въ Сибири—15 коп.

Литературный и Художественный матеріалъ направляется въ Редакцію. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ измѣненіямъ. Доставленныя безъ обозначенія гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Непринятая рукопись обратно не посылаются.

Контора и редакція: С.-Петербургъ. Дегтярный пер., д. 22, кв. 43.

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ.

ИЗДАНІЕ ВОЗОБНОВИТСЯ СЪ АВГУСТА.

Вышедшіе 5 номеровъ 1, 2 и 3 — 1905 года и 1 и 2—1906 г.

высылаются за 2 рубля Конторой „ЗАСТРѢЛЬЩИКА“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ НАРОДА
„КРЕСТЬЯНИНЪ“.

Цѣна 1 руб. на годъ, 50 коп. на полгода, 25 коп. на 3 мѣсяца.

Изданіе общества „Крестьянинъ“: Вильна, Преображенская улица, домъ № 4.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ
ВЪ ЖУРНАЛѢ
„ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ“

по 50 коп. строчка нонпарели, или мѣсто занимаемое ею. Длина строчки $\frac{1}{2}$ страницы.

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ
ДЛЯ СБОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Бюллетени Русской Жизни.

Волненіе въ войскахъ.

11-го іюня началось волненіе во второй ротѣ крѣпостной артиллеріи. Предъявлено требованіе о смѣнѣ фельдфебеля за дурное обращеніе, заявлены жалобы на тяжесть службы и неполученіе нѣкоторыхъ вещей интендантскаго довольствія и предъявлены многія другія претензіи. Убѣжденія начальствующихъ лицъ были безуспѣшны. Подоспѣвшій взводъ пластуновъ занялъ казармы и тѣмъ воспрепятствовалъ ротѣ вооружиться ружьями и завладѣть орудіями. Послѣ этого рота разошлась по палаткамъ и успокоилась, за исключеніемъ нѣсколькихъ челоѣкъ бѣжавшихъ въ другія роты съ двумя частными лицами. Повидимому послѣдними были пущены слухъ среди солдатъ гарнизона, что казаки разстрѣливаютъ артиллеристовъ второй роты. Къ 10 ч. у. волненіе охватило шестую и пятую роты артиллеріи, а также минную и саперную роты. Четвертая рота артиллеріи, стоящая рядомъ съ шестой и прочія роты остались вѣрны долгу службы. Волнующіяся роты были оцѣплены войсками въ теченіе цѣлой ночи. Рано утромъ волновавшаяся часть гарнизона принесли раскаяніе, приступивъ къ обычнымъ занятіямъ; нѣкоторые солдаты ружья впрочемъ не вернули, но къ счастью, къ вооруженному столкновенію не прибѣгли. Волненіе постепенно затихаетъ и есть надежда водворить мирно полный порядокъ. Населеніе пережило тревожное состояніе, но за исключеніемъ отдѣльныхъ личностей никакого участія въ волненіяхъ гарнизона не принимало.

Изгнаніе казаковъ имѣло мѣсто, по словамъ „Сарат. Л.“, въ с. Нееловкѣ (Сарат. губ.), при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

28 мая, въ часъ ночи, казаки били бабъ и мужиковъ, возвращавшихся съ свадебнаго дѣвичника. За мужиковъ и бабъ вступились пожарные караульщики, но на нихъ налетѣли казаки съ голыми шашками (казаки были всѣ пьяны). Одинъ пожарный лопатой сшибъ съ лошадей двухъ казаковъ и отнялъ у нихъ шашки. Народъ собрался со всего села; ударили въ набатъ во всѣ колокола и потребовали отъ казаковъ объясненія, за что они бьютъ нагайками? Въ отвѣтъ на это раздался выстрѣлъ, за нимъ другой третій. Казаки убили на повалѣ одного крестьянина и двоихъ ранили. Утромъ собрался сходъ, участвовали мужики и бабы. Жертва даромъ не пропала, — нѣтъ возможности описать гнѣва и возмущенія собравшихся на сходъ. Всѣ сѣдые старики, бабы и дѣти готовы были идти на смерть и отомстить за свои обиды и убійство. Рѣшили, что безъ оружія сдѣлать ничего нельзя, а лучше привести на мѣсто властей; въ ожиданіи ихъ много говорили и порѣшили сегодня же изгнать изъ села казаковъ. Когда пріѣхалъ исправникъ, сходъ потребовалъ отъ него, чтобы храброе воинство и начальство немедленно были убраны изъ Нееловки. Видя настроеніе схода, исправникъ далъ слово черезъ два часа вывести казаковъ и начальство изъ Нееловки. Къ вечеру потянулись возы съ казаками пожитками и всякой утварью; тутъ же убрался и урядникъ съ сотникомъ. Только снова пріѣхали откуда-то 13 челоѣкъ другихъ казаковъ и то на время охранять помощника управляющаго Абакумова, живущаго въ сосѣднемъ имѣніи.

8 іюня всѣ солдаты и офицеры 4 варшавскаго полка были собраны въ варшавской цитадели и, когда выстроились уже какъ бы къ параду, командиръ полка прочелъ имъ благодарность высшаго начальства за доблестное исполненіе службы въ борьбѣ съ мятежниками и крамольниками. Потомъ было приступлено къ раздачѣ наградъ и знаковъ отличія офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Во время раздачи наградъ командиръ полка замѣтилъ, что одинъ поручикъ, который также былъ представленъ къ наградѣ, отсутствуетъ, и немедленно послалъ за нимъ. Когда поручикъ явился, и командиръ полка хотѣлъ ему вручить награду, поручикъ громко, такъ, чтобы всѣ слышали, отвѣтилъ, что онъ охотно принялъ бы знакъ отличія, еслибы онъ былъ ему пожалованъ за доблесть въ борьбѣ со внѣшнимъ врагомъ, но за борьбу съ „внутреннимъ“, да и то невооруженнымъ „врагомъ“, принять награду ему не полагается его совѣсть.

Командиръ полка, съ искаженнымъ лицомъ, произнесъ: „Поручикъ, берите назадъ свои слова, иначе вы будете преданы военному суду!“ Поручикъ хладнокровно отвѣтилъ: „Я объ этомъ знаю, но отъ своихъ словъ не откажусь“.

Фактъ этотъ произвелъ на солдатъ и офицеровъ полка очень сильное впечатлѣніе. (Рѣчь № 99).

Казаки. Въ Полтавѣ, какъ видно изъ сообщеній „Полтавщ.“, становится не безопаснымъ даже выходить на улицу.

Бюллетени Русской Жизни.

4-го июня вечером казаками был избитъ отецъ г-на Ф., проходившій мимо группы изъ трехъ казаковъ по Рогоженскому пер., вслѣдъ за нимъ какая-то женщина была ими схвачена и брошена на землю и избитъ какой-то чело-вѣкъ, мирно шедшій по своимъ дѣламъ.

6-го июня, въ 10 час. вечера, г-нъ Ф. былъ очевидцемъ новаго избіенія тремя казаками какого-то чело-вѣка, кото-раго били кулаками и ногами до тѣхъ поръ, пока онъ сва-лился; это избіеніе происходило подъ охраною группы изъ 10 казаковъ, стоявшихъ въ сторонѣ.

Г-нъ А. пишетъ „Полт.“, что въ 6 час. вечера онъ былъ очевидцемъ того, какъ на Кобелякской ул. нижніе чины 16 Донского полка напали на двухъ евреевъ, ѣхав-шихъ на извозчикѣ № 206, ударили по лицу одного изъ нихъ, осыпали ихъ отборной бранью, а затѣмъ пошли сво-ей дорогой, какъ будто исполнивъ свою обязанность.

Владикавказъ, 14-го июля (РА.). Въ артиллерійскомъ лагерѣ подъ Владикавказомъ замѣтно сильное броженіе. Предъявляются экономическія требованія. Солдаты разгро-мили офицерское собраніе. Сегодня ночью по тревогѣ изъ города послана пѣхота съ пулеметами. Одна батарея обе-збужена.

10-го июня въ стоящей въ лагерѣ подъ Владикавказомъ 18-й горной батарее начались волненія, выразившіеся въ буйствахъ. 13-го июня вечеромъ батарея взбунтовалась и произвела три выстрѣла изъ орудій, осыпала револьверными выстрѣлами другія батареи, не принявшія участія въ бунтѣ. Нѣсколько нижнихъ чиновъ контужено и ранено, одинъ тяжело. Вызваннымъ двумъ баталіонамъ апшеронскаго полка удалось обезоружить взбунтовавшуюся батарею безъ пролитія крови. Во время беспорядковъ пропалъ поручикъ Байковский.

Аграрное движеніе въ Тульской губерніи принимаетъ какъ передаетъ XX в. небывалыя размѣры. Съ наибольшей силой оно проявилось въ шести уѣздахъ. Губернаторъ по-лучаетъ непрерывныя телеграммы съ требованіями войскъ, въ которыхъ, не смотря на два расположенныхъ здѣсь мо-сковскихъ полка, чувствуется недостатокъ. На просьбу гу-бернатора прислать сюда изъ Москвы кавалеристовъ от-казано. Извѣстный кадетъ князь Голицинъ изъ Елифан-скаго уѣзда также бомбардируетъ губернатора телеграм-мами съ требованіями войскъ, когда же князь увидѣлъ, что прибывшіе драгуны ничего съ стихійнымъ движеніемъ кре-стьянъ сдѣлать не могутъ, то онъ ночью на пяти тройкахъ выѣхалъ въ Елифанъ. По донесеніямъ, получаемыхъ губер-наторомъ, крестьяне Елифанскаго уѣзда сплошной массою двигаются къ городу, снимая на пути у помѣщиковъ всю прислугу, до лакеевъ включительно. Чтобы остановить это шествіе и не допустить крестьянъ къ городу, изъ Тулы высланы двѣ роты пѣхоты. Пьяные драгуны въ Богоро-дицкомъ уѣздѣ въ имѣніи Смирнова пустили въ ходъ противъ крестьянъ, отказавшихся убирать сѣно купца на предложенныхъ имъ условіяхъ, холодное оружіе; въ резуль-татъ много раненыхъ.

Возстаніе арміи во Владивостокѣ.

— Изъ Владивостока телеграфируютъ „Русскому Слову“. „Вчера артиллеристы бомбардировали офицерскій клубъ, разогнали танцовавшую публику и ранили одну даму. На бульварѣ двое солдатъ оскорбили начальника области генерала Ржевусскаго. На тысячномъ митингѣ солдатъ и гражданъ, на которомъ были представители всѣхъ частей гарнизона, постановлено издать объявленіе, что въ случаѣ, если черносотенцы вздумаютъ устроить погромъ, онъ будетъ подавленъ военною силою“.

КОНТОРА

открыта ежедневно отъ 10 до 6 ч. вечера.

Прямъ по дѣламъ редакціи

по вторникамъ и пятницамъ отъ 4 до 7 часовъ.

Гедакторъ **М. К. Мукаловъ.**

Редакція: Спб., Деятрный пер, 22, кв. 43.

УРОКИ, МУЗЫКИ.

Б. Ученица проф. ЛЮТША.

75 коп. час.

Адресъ узнать въ редакціи „Застрѣльщика“.

УРОКИ

РИСОВАНІЯ И АКВАРЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

преподаетъ учительница рисованія, также исполня-етъ портреты *Vlade-Noir* и акварель.

Адресъ узнать въ редакціи „Застрѣльщика“.

*Книже сдѣланы
в „Литографіи Художниковъ“
Дебский №.*

Къ свѣдѣнію

Господъ Тарговецъ „Открытыхъ писемъ“

предлагаются Художествен. Открытыя письма.

Адресовать въ Контору „Застрѣльщика“.

Спб., Деятрный пер., 22, кв. 43.

съ надписью „Худож. письмо“.

Корректоръ

ищетъ мѣста или занятій.

Деятрный пер. д. № 1 кв. 12. В. П. С.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ

журнала „ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ“.

МОСКВА. Книжное и Газетное Дѣло
„Печать“ Тверская д. Хомяковыхъ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. Контора И. В. Мак-
симова.

РОСТОВЪ на ДОНУ. С. П. Сушковъ.
Газетные Кіоски.

ПОЛТАВА. Издательство „Эхо“.

ПЕРМЬ. Т. Г. Городиловъ.

Продажа номеровъ журнала производится
также во многихъ другихъ городахъ, въ
Книжныхъ магазинахъ, газетныхъ Кіоскахъ
и Конторахъ.

Издательница **Л. А. Заикина.**

Типо-литографія „Энергія“, Загородный пр. 17.

* * *

Товарищи, давно-ль подъ гнетомъ непогоды
Склонялись мы безпошно главою;
За каждый смѣлый шагъ, за каждый шагъ
свободы
Платили ссылкой, цѣпями и тюрьмой?..
Давно-ль, на улицахъ за правду умирали,
И кровь, людская кровь текла по городамъ;

Давно-ль, крестьянина до нитки обирали,
Чтобы придать мишурный блескъ дворцамъ?!..
Товарищи, теперь — пора!.. Настало мще-
нье!..
Зарею алою подернулся восходъ!..
Впередъ, товарищи!.. Въ борьбѣ — освобо-
ждение;
Подъ знамя красное насъ требуетъ народы!..

В. Князевъ.

ЗАСТРѢЛШІКЪ